

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

65

МЮНХЕН 1992

СОДЕРЖАНИЕ

В.Пирожкова. Разбуженная Россия	1
Обращение Великого князя Владимира Кирилловича к российскому крестьянству	3
А.Федосеев. Трудящиеся, разболванивайтесь!	4
Ю.Давыдов. Вебер и Булгаков	16
В.Рудинский. С.П.Мельгунов	25
В.Пирожкова. Потерянное поколение <i>(Окончание)</i>	27
Р.Гуардини. Религия мира Достоевского	33
Протоиерей Д.Константинов. Вера в Бога и мораль	43
Б.Сосновский. Семинар по библейской географии в зоне	45

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№65

Июнь 1992

Мюнхен

В.Пирожкова

РАЗБУЖЕННАЯ РОССИЯ

Все мы, конечно, знали, что коммунисты не растворились в воздухе, "утопая в сиянии голубого дня" после августовского путча. К заседаниям съезда народных депутатов в апреле 1992 г. они собрали силы, чтобы дать бой реформаторам. В союзе с ними оказались националисты. Мы писали об этой "антистолыпинской коалиции" в №64 в статье "Судьбоносный год России". Эта коалиция полностью выявилась на пороющей весьма бурных заседаниях съезда.

Открыто солидаризовался с коммунистами В.Аксючиц, выступая 5-го апреля перед демонстрантами с красными флагами и объединяясь идейно с коммунистами в зале и в кулуарах съезда. Легенда о "третьем пути" была этим полностью развеяна.

Тем временем мы получили материалы так называемого "Конгресса гражданских и патриотических сил России" (группы Аксючица), состоявшегося 8 февраля. Мы писали о нем в уже упомянутой нами статье. Материалы эти полностью подтвердили первое поверхностное впечатление об этом конгрессе. В материалах, правда, можно найти много красивых и ни к чему не обязывающих слов. За этими словами иногда трудно разглядеть конкретное содержание, тем более, что оно очень тоще. Есть в материалах и слова о широком слое частных собственников, но ни слова о том, какими конкретными мероприятиями этого можно достигнуть. Точно так же материалы не дают никаких конкретных аргументов против экономической программы правительства, которая отрицается в общих словах и без всякого объективного анализа. Вчитываясь внимательнее в материалы, замечаешь все же контуры экономических решений этого "народного собрания": выкристаллизовывается желание затормозить реформы в лучшем случае на уровне НЭПа, а то и ниже, т.к. приватизация в сельском хозяйстве не намечена. Главное же — согласно этим материалам — это сохранение тяжелой промышленности в руках государства, особенно сохранение военно-промышленного комплекса, который правительство Ельцина намерено постепенно приватизировать.

Почему этой группе важно сохранение военно-промышленного комплекса, выясняется при чтении других пунктов материалов. Они предъявляют республикам территориальные требования. Обещается не предъявлять территориальных претензий только тем республикам, которые войдут в тесную федерацию с Россией. Как эта тесная федерация выглядела бы, об этом ничего не сказано. Как уже было упомянуто, отсутствие конкретных предложений утоплено в массе красивых слов без всякого конкретного содержания. Ясно одно: центробежные тенденции от еще совсем недавно существовавшего коммунистического центра еще не потеряли своей инерции, и при этих условиях территориальные требования, предъявляемые к республикам, неизбежно привели бы к междоусобной войне.

Видимо, группа Аксючица, если и не желает, то, во всяком случае, соглашается на эту войну. Тогда все остальное становится логичным: нельзя одновременно проводить коренные экономические реформы и вести войну. Становится ясно, почему эта группа хочет непременно сохранить военно-промышленный центр, да и всю тяжелую промышленность в руках государства. Да и крестьян можно лучше эксплуатировать для войны, если они останутся в колхозах и совхозах. Отрицание экономических реформ находит таким образом логическое объяснение. Но ведь у всех на глазах тот ужас, который творится в Югославии. Как можно играть мыслью о войне?

С.Шахрай в своем интервью ("Русская мысль" №3926) говорил о всенародно избранном российском президенте и об избранном народом парламенте, подразумеваемая съезд народных депутатов. Однако последнее утверждение не соответствует действительности. Народных депутатов "выбирали" два года тому назад, еще по горбачевской системе выборов, а это были в значительной степени лишь "выборы". Одну треть депутатов посылала господствующая тогда еще КПСС, другую — разные общественные организации, тоже зависевшие целиком от КПСС, и только одна треть избиралась народом относительно свободно.

Неужели С.Шахрай этого не знает? Вполне понятно поэтому, что в этом собрании народных депутатов большинство коммунистов, причем многие из них не только бывшие, но и ныне ими оставшиеся. К ним присоединились и националисты, о которых мы писали выше. Понятно, почему этот съезд не мог принять новой конституции, снова отверг закон о купле и продаже земель, принимал и другие противоречивые и нелепые решения, часть которых тут же сам переиначивал. Не удивительно, что он вообще хотел остановить экономические реформы и свалить правительство реформаторов.

Последнее ему не удалось. Слава Богу. Но как будет работать это правительство с Верховным советом, вышедшим из этого же самого Конгресса народных депутатов? Какой шанс для принятия конституции, утверждающей президентскую демократию, единственно стабильную для нынешней России систему власти, тем же составом народных депутатов будущей осенью?

В Москве демонстрировало приблизительно 50 тыс. населения в защиту президента Ельцина, правительства и против коммуноидного съезда с его сверхчестолюбивым председателем Хасбулатовым. Во всей стране престиж народных депутатов сильно упал – да и как могло быть иначе, когда народ наблюдал на экране телевизора злобные лица старых коммунистов и видел, как депутаты чуть не с кулаками бросались друг на друга. Однако упал и престиж парламентаризма как такового. Защищая мнимых "народных избранников", Шахрай, увы, не делает услуги парламентской демократии в России. Лично президент Ельцин был всегда популярен в народе, но после этого конгресса популярность его еще возросла. Возросла и популярность правительства – это несмотря на все переживаемые сейчас экономические трудности.

Народ чутьем схватывает настоящее. Запомнилось лицо простой русской женщины, закутанной в платок, демонстрировавшей в Москве за Ельцина.

На вопрос корреспондента, почему она демонстрирует за президента, она ответила: "Он хочет нас в люди вывести".

Не следует ли в таких обстоятельствах вынести решение о новой конституции и о коренных экономических реформах на суд народа, т.е. на референдум?

Если бы была принята новая конституция, то состоялись бы новые выборы, которые дали бы уже иные результаты. Тогда и парламент был бы уже более достойным, и сотрудничество правительства с парламентом вошло бы в нормальное русло, когда члены парламента критикуют те или иные шаги правительства, но, с другой стороны, поддерживают, а не пытаются в такое судьбоносное время блокировать все необходимые реформы.

Нам трудно на расстоянии составить себе однозначное мнение, какой шаг со стороны президента был бы сейчас наиболее благоприятным для России. Мы склонялись бы к референдуму, но надеемся, что люди в руководстве России, которым положение дел, конечно, известно много лучше, чем нам, примут правильное решение. В этом смысле мы хотим процитировать заключительные слова речи президента Ельцина перед закрытием съезда народных депутатов. Вот они: "Нам выпала самая тяжелая, самая неблагодарная работа. Конечно, всем тяжело, и понятен эмоциональный всплеск на съезде: иногда он заходил в тупик. Приходится идти на большие жертвы, но большинство граждан понимает: они необходимы для того, чтобы Россия обрела наконец достойную жизнь, чтобы нашим детям и внукам не пришлось платить еще более высокую цену за нее.

Хочу еще раз повторить: если сохраним гражданский мир, если удержимся от конфронтации – есть реальная возможность обеспечить начало экономической стабилизации уже к концу текущего года.

Россия разбужена, она двинулась к рыночной экономике, к нормальной, полноценной жизни.

И как бы ни было трудно, какие бы препятствия ни стояли на этом пути, ход истории уже не остановить".

Будем на это надеяться ради России.

Апрель 1992 г.

НАША ПОЧТА

Уважаемая госпожа Пирожкова! Надеюсь и впредь получать Ваш журнал – это, по общему мнению, единственный эмигрантский журнал, который сейчас пользуется большим успехом у читателей.

Главный редактор журнала "Российские ведомости"

**О. Корзина,
Москва**

В начале апреля мы получили от Великого князя Владимира Кирилловича печатаемое ниже обращение к российскому крестьянству вместе с любезным письмом, содержащим хороший отзыв о нашем журнале. А уже через две недели пришло трагическое сообщение о скоропостижной кончине Великого князя. Мы никак не предполагали, что его обращение будем печатать посмертно.

Мы рады, что Великий князь смог побывать в городе своих предков, Санкт-Петербурге, и что хотя бы в смерти он возвращается в Россию, и его тело будет покоиться в императорской усыпальнице.

Редакция и сотрудники выражают свое соболезнование вдове и дочери покойного и выражают надежду, что Великая княгиня Мария Владимировна достойно займет место покойного отца.

Редакция

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА К РОССИЙСКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ

Наша страна пересекает сегодня полосу тяжелых, зачастую трагических испытаний, которые еще потребуют не только общенациональных усилий, но и неуклонной решимости каждого россиянина, убежденности в правильности избранного пути.

Я уверен, что наш народ с помощью Божией обретет возрожденную, исполненную прежнего величия и очищенную от всего наносного Россию.

В этот период суровых, а порой и униительных испытаний нельзя забывать о том, что издревле составляло здоровый и прочный костяк нашего общества, – российское крестьянство.

Мое сердце болит за этих людей, покидающих разоренные бесхозяйственностью родные села, отравленные поля и водоемы, за крестьянскую молодежь, потерявшую веру в свои руки и стремящуюся любой ценой перебраться в большие города.

Неизбежно растущая – при переходе к рыночной системе экономики – армия безработных, возвращающиеся домой военнослужащие, нынешние выпускники средних и средне-технических учебных заведений – все эти люди, если им будет оказана соответствующая конкретная помощь на местах, могли бы найти применение своим силам, навыкам и способностям на плодородных, политых отцовским и прадедовским потом нивах нашей великой Родины. Благоденствие и процветание не придут вслед за подачками – пусть даже щедрыми, но никогда не бескорыстными – с Запада.

Спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих. Других вариантов выхода из создавшегося экономического маразма просто не существует. Следует всегда помнить, что упование на помощь доброго дяди – это путь проволочек и пустая трата отпущенной нам жизни. Я убежден, что все, кто участвует сегодня в процессе возрождения нашей страны – каких бы идей и убеждений они ни придерживались раньше, – поймут меня.

Россия всегда – до всяких колхозов и совхозов – кормила не только себя, но была еще и житницей Западной Европы, а в тяжелую годину – как это случилось при Александре II, моем прадеде, – приходила на помощь далекой Америке.

Напомню, что в 1913 году, когда страна праздновала 300-летие царствования Дома Романовых, урожай хлебов у нас был на треть выше, чем в США, Аргентине и Канаде вместе взятых.

Наша Отчизна по праву гордилась своим трудолюбивым, умудренным вековым опытом, сильным своей привязанностью к матери-земле, боголюбивым крестьянством.

Только вы, хлеборобы, животноводы, агрономы, фермеры, труженики российского села, способны накормить нашу страну, придать ей силы, достоинства и веры в себя.

И я молю Господа Бога прийти вам на помощь.

Владимирь

А. Федосеев

Печатается в порядке дискуссии**ТРУДЯЩИЕСЯ, РАЗБОЛВАНИВАЙТЕСЬ!..****1. Кто кого эксплуатирует?**

Чего хотел любой трудящийся (раб, крепостной, современный наемный работник, колхозник, совхозник) за все тысячи лет истории человечества и в любой точке земного шара? Чего он хочет сейчас? Всегда и везде он хочет полегче и поинтереснее трудиться и за свой труд получать побольше зарплату (вознаграждение) натурой или деньгами. Является ли это желание предосудительным или аморальным? Конечно, **НЕТ**. Это желание вполне нормально и морально. Было бы нелепо, если бы трудящийся просил бы побольше тяжелой работы и поменьше зарплаты. Такой ненормальный трудящийся долго бы не протянул и быстро умер от истощения.

Кого я имею в виду под трудящимся? Трудящийся – это человек, работающий в наше время по найму, т.е. за зарплату, и **ПРОИЗВОДЯЩИЙ МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ТОВАРЫ И УСЛУГИ** для потребления, в конечном итоге, **ВСЕМ** населением. К трудящимся, следовательно, относятся ученые, инженеры, техники, ремесленники, рабочие, крестьяне, а также работники транспорта, торговли, литературы, искусства, образования и т.д. Все они за свою зарплату производят все, что потребляет в виде материальных и духовных товаров и услуг население и народное хозяйство. Таким образом, **ВСЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ, ВСЯ ЕГО НАУКА И ТЕХНИКА, ВСЯ ЕГО КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ СОЗДАНЫ И ПРОИЗВЕДЕНЫ ТРУДЯЩИМИСЯ.**

СОБСТВЕННОСТЬЮ того или другого человека, кооператива, акционерной компании или государства может быть только материальный или духовный продукт человеческого труда. Воздух, солнечный свет, **ТЕРРИТОРИЯ** земли, ее недра и воды даны природой (Богом) для использования **РАВНО ВСЕМ ЛЮДЯМ** без различия. Они **НЕ ПРОИЗВЕДЕНЫ** самими людьми.

Люди могут всеми этими дарами природы владеть, распоряжаться, пользоваться, но эти дары природы **НЕ ЯВЛЯЮТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ** человека, пока он не превратил их своим трудом в какой-то продукт, который и станет чьей-то собственностью. Легко сообразить, что **ВСЯ СОБСТВЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ, Т.Е. ВСЯ ПРОДУКЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТРУДА НА ЗЕМЛЕ СОЗДАНА ИМЕННО ТРУДЯЩИМИСЯ**, а не государством или его правителями.

Спрашивается, могут ли трудящиеся потребить все или распорядиться всем, что ими создано и произведено, сами? Нет. В любом государстве, в любом человеческом обществе есть значительная часть населения, которая никаких материальных или духовных товаров и услуг не создает и не производит. Эта часть населения тоже должна жить и действовать. Ее нужно содержать даже, когда ее содержание, как это часто бывает, обходится очень дорого. В эту непроизводящую часть населения входит весь аппарат государства: армия, полиция, пенсионеры, больные, инвалиды, неработающие матери-одиночки и т.д. Хотят этого трудящиеся или не хотят, государство тем или иным способом отнимет у трудящихся часть того, что они произвели, т.е. часть национального продукта ("пирога"), и распределит ее среди непроизводящей части населения. Это приходится делать в любом обществе, в любом государстве: рабочем, феодальном, капиталистическом, социалистическом, любом будущем государстве. Тысячи лет любое государство состояло и будет состоять в будущем из двух частей: производящей (трудящиеся) и непроизводящей (все остальное население). Тысячи лет трудящиеся кормили и содержали непроизводящую часть населения.

Вопрос лишь в том, насколько велика непроизводящая часть населения по отношению к производящей, т.е. к трудящимся. Чем больше государственный аппарат и армия, чем они дороже, тем меньше получают трудящиеся, тем труднее будет им содержать непроизводящую часть населения. Чем больше будет в государстве людей, находящихся на социальном обеспечении, чем выше (дороже) будет их "социальная государственная защищенность", тем меньше кусок получают трудящиеся из пирога, ими произведенного. (Если бы трудящиеся осуществляли "социальную защищенность" сами, т.е. сами заботились бы о своих пенсиях, сами, за свою зарплату содержали бы своих инвалидов, больных, матерей-одиночек, это было бы для них дешевле. Передав эту функцию государству, трудящиеся должны будут оплатить ту дополнительную и весьма дорогую часть госаппарата, которая будет отнимать от трудящихся соответствующий кусок пирога и распределять его для "социально защищенной" непроизводящей части населения.) В интересах трудящихся (и всего общества людей) иметь в

государстве поменьше и подешевле непродуцирующую, но потребляющую часть населения.

В связи с этим фактом нужно различать две производительности труда: производительность трудящихся и производительность государства. Если разделить все, что произвели трудящиеся (пирог), на число самих трудящихся, мы получим производительность трудящихся. Если разделить все, что произвели трудящиеся (пирог), на душу населения, мы получим производительность государства. Представим себе, что то же число трудящихся произвело в два раза больше товаров и услуг, т.е. производительность ТРУДЯЩИХСЯ увеличилась в два раза. Если в то же самое время непродуцирующая часть населения выросла по численности тоже в два раза, на душу населения придется столько же товаров и услуг, что и раньше, т.е. производительность ГОСУДАРСТВА не увеличится. Жизнь в стране НЕ улучшится. Иначе говоря, УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СТРАНЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДЯЩИХСЯ, А ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВА, т.е. тем, как много приходится товаров и услуг НА ДУШУ населения. Именно поэтому, несмотря на увеличенную в два раза производительность трудящихся, уровень жизни населения в моем примере не поднимется.

США в прошлом имели наивысшую в мире производительность государства, т.е. наивысшее количество товаров и услуг НА ДУШУ населения. Впоследствии производительность трудящихся США росла и росла, но росла много скорее непродуцирующая часть населения и по производительности государства США сместились на одиннадцатое место, отдав первое место Швейцарии.

Непродуцирующая часть населения в США быстро выросла за счет введенного в наше время социального обеспечения, за счет которого в США живут многие миллионы людей, ничего кроме неприятностей не производящих. Выросла также за счет 7 миллионов безработных, за счет роста числа людей, живущих на проценты с капитала, за счет роста числа людей, "делающих деньги из денег", не производя никаких товаров или услуг, за счет колоссального "делания денег из денег" на биржах и т.п. Трудящиеся США не смогли своим трудом компенсировать рост расходов на быстро растущую и дорогую непродуцирующую часть населения. Иначе говоря, рост уровня жизни в США пришел в состояние застоя по причине чрезмерного роста численности и роста дороговизны содержания непродуцирующей части населения. Уровень жизни в США

все еще ОЧЕНЬ высок, но в Швейцарии он уже выше.

Этим уменьшение куска пирога, достаемого трудящимся, не кончается. Чтобы трудящиеся могли производить пирог и даже увеличивать его размер и качество, нужна промышленность, нужно ее ремонтировать и нужно ее расширять. Иначе пирога не будет и, тем более, увеличивающегося. Значит, нужно часть пирога, произведенного трудящимися, вкладывать обратно в промышленность в виде средств ремонта, в виде новых зданий, машин, инструментов, технологических процессов и всяких научно-технических новшеств. Заметьте, что эти вложения нужны и для легкой промышленности, производящей товары потребления, и для тяжелой промышленности, производящей сырье, энергию, топливо и средства производства. Без сырья, без энергии, без машин, без топлива, т.е. без продукции тяжелой промышленности легкая промышленность работать и развиваться не может. Только продукция тяжелой промышленности может дать средства ремонта легкой промышленности и дать средства для повышения ее производительности.

Тяжелая промышленность есть база всего народного хозяйства. Упадок тяжелой промышленности означал бы упадок всего народного хозяйства и понижение уровня жизни в стране.

Таким образом, кусок пирога, достаемый трудящимся, ДОЛЖЕН БЫТЬ УМЕНЬШЕН И ЕЩЕ, чтобы народное хозяйство не развалилось бы и трудящиеся имели бы возможность трудиться и производить.

И на этом "потери" трудящихся не кончаются. Народное хозяйство нуждается в кредите. Ведь пока предприятие строится, оно ничего не производит, а деньги тратит: нужен кредит. А за кредит нужно платить проценты. Иначе люди денег в кредит не дадут. Придется отнять от пирога, созданного трудящимися, и еще кусок для уплаты процентов людям, дающим свои деньги в кредит.

Указанное выше распределение пирога происходит с помощью денег. Совокупность всех чистых (за вычетом любых государственных налогов, пошлин, сборов) зарплат всех трудящихся составляет цену той части пирога, которая достанется трудящимся. Совокупность всех государственных налогов, пошлин, сборов составляет цену той части пирога, которая пойдет непродуцирующей части населения, включая государственный аппарат, армию и полицию. Совокупность всех чистых (за вычетом государственных налогов, пошлин, сборов) прибылей всего народного хозяйства соответст-

вует цене той части пирога, которая будет вложена обратно в народное хозяйство, вместе с той частью пирога, что пойдет на уплату процентов. Таким образом ЦЕНА ВСЕГО пирога состоит из совокупности чистых зарплат, чистых прибылей и совокупности всех государственных налогов, пошлин, сборов. Заметьте, что **ВЕЛИЧИНА И КАЧЕСТВО ПИРОГА НИКАК НЕ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ЕГО ЦЕНОЙ.** Деньги есть только средство распределения: тот, кто получит большую ДОЛЮ всех денег, составляющих цену пирога, получит **СООТВЕТСТВЕННО** большой кусок пирога. **ВЕЛИЧИНА И КАЧЕСТВО ПИРОГА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО КОЛИЧЕСТВОМ И КАЧЕСТВОМ ТРУДА ТРУДЯЩИХСЯ, А НЕ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕНЕГ.**

Это очень важно хорошо понять.

Чтобы иметь представление об обычном распределении пирога, я сообщу цифры для США. В США цена пирога состоит, приблизительно, на 45%–50% из совокупности всех чистых зарплат всех трудящихся, на 45%–50% из совокупности всех (федеральных, штатных и местных) прямых и косвенных налогов, пошлин и сборов и, грубо, на 50% из совокупности всех чистых прибылей во всем народном хозяйстве. (Сумма, конечно, должна быть 100%.)

Таким образом, трудящиеся США получают сейчас около половины всего пирога, который они произвели.

В СССР все финансы и все народное хозяйство находятся в руках государства. Поэтому социалистическое государство может менять распределение пирога по своему произволу. (В частности, выделять на вложения в народное хозяйство, на индустриализацию, любые суммы, уменьшая зарплату. Может уменьшать или не брать совсем налоги, уменьшая зарплату.) Таким образом в социалистическом государстве термины зарплата, налог, прибыль теряют свой обычный смысл и свое обычное значение. Однако указанные мной для любого государства части пирога остаются в силе и для социалистического. Социалистическому государству нужно давать часть пирога трудящимся, часть – непроизводящему населению, включая госаппарат, армию, КГБ, пенсионеров, инвалидов, больных и других нетрудоспособных людей, часть вкладывать обратно в народное хозяйство и в уплату процентов за кредит (сберкассы и банки). По моей оценке, трудящиеся СССР в виде зарплат получали около 15%–20% пирога. Остальной частью (80%–85%) распоряжалось по своему усмотрению государство. В частности, социалистическое государство выдавало субсидированные или бесплатные подачки населению, награждая ими тех, кто

отличился в пользу социалистического государства, и увеличивая этим низкие зарплаты, но только для избранных трудящихся и избранных граждан.

Спрашивается, кто же кого эксплуатирует? Все государство, все общество эксплуатирует трудящихся? Однако могут ли трудящиеся НЕ содержать государство, инвалидов, нетрудоспособных, пенсионеров? Могут ли они не вкладывать часть пирога обратно в производство и не платить процентов за кредит? Понятно, что НЕ МОГУТ. Марксова "теория" прибавочной стоимости и эксплуатации является просто вздором.

Другое дело государственные излишества. Другое дело, что есть много трудоспособных людей, занимающихся, в частности на биржах, "деланием денег из денег" вместо того, чтобы что-то полезное производить. Другое дело, что существуют растраты и хищения пирога, дефекты в его распределении. Ясно, что все это должно быть под контролем. Таким образом эксплуатация трудящихся есть миф, созданный Марксом и социалистами.

Если поверить Марксу и социалистам, то самым диким эксплуататором является именно их социалистическое государство, так как оно присваивает в свое распоряжение больше 80% пирога, произведенного трудящимися.

Что касается прибыли, которую Маркс особо обозначил эксплуатацией, т.е. вложенной обратно в производство и уплаты процентов, то даже в США эта часть составляет всего около 5%, т.е. в десять раз меньше, чем та часть, которая забирается от трудящихся государством США в виде разнообразных налогов.

Трудящимся пора начать разбираться в законах экономики и освобождаться от марксистско-социалистического оболванивания. Трудящимся следует начать разболеваться.

2. Можно ли поднять уровень жизни людей снижением цен или подъемом зарплат?

Представьте себе, что трудящиеся произвели, как всегда, определенного размера и качества пирог. Представьте теперь, что им увеличили чистую зарплату в два раза. Цена пирога, естественно, на эту сумму возрастет. Представим, для примера, что совокупность зарплат трудящихся была 100 миллиардов рублей, содержание непроизводящей части населения – 100 миллиардов рублей, проценты и вложения обратно в экономику и уплата процентов – 10 миллиардов рублей и цена всего пирога, т.е. цена наци-

онального продукта – всей совокупности товаров и услуг, произведенных трудящимися, была равна 210 миллиардам. Трудящиеся получали кусок пирога за 100 миллиардов из 210, т.е. 47,6% от всего пирога. После увеличения зарплат вдвое цена пирога будет 200 плюс 100, плюс 10 миллиардов, т.е. будет 310 миллиардов рублей. Цена пирога выросла таким образом на 47,6%. Трудящиеся теперь получают кусок пирога за 200 миллиардов из 310, т.е. 64,5% всего пирога. Однако пирог-то остался прежним. Он не увеличился. Что произойдет?

Во-первых, цены товаров и услуг увеличатся на 47,6%, т.е. произойдет инфляция в 47,6%. Трудящиеся, получив на 16,9% большую долю пирога, отнимут эти 16,9% от непродуваемой части населения и в первую очередь от пенсионеров и нетрудоспособных. (Государство наверняка прибавит себе содержания: своя рука – владыка.) Пенсионеры и нетрудоспособные потеряют потому, что цены возросли, а пенсии и пособия в рублях остались прежними.

Точно так же повышение пенсий или пособий без увеличения пирога приведет к инфляции, к уменьшению куска пирога, достаемого в этом случае остальному населению, включая трудящихся. Иначе говоря, только соответственно подняв производительность трудящихся, т.е. соответственно увеличив пирог, можно, не создавая инфляции и не обделяя какую-то часть населения, поднимать уровень жизни всего населения или его определенной части.

Представьте себе теперь, что пирог остался прежним, а все цены понизили. Получит ли население больше товаров и услуг за свои деньги, улучшится ли жизнь населения? КОНЕЧНО НЕТ. Ведь пирог остался прежним, осталось прежним количество и качество товаров и услуг. Что произойдет? Все бросятся покупать подешевевшие товары и услуги, но на всех их не хватит. У населения останется много неистраченных денег. Появится всеобщий дефицит и появится спекуляция. Иначе говоря, снижение цен без соответствующего увеличения производительности труда трудящихся, т.е. без соответствующего увеличения пирога, жизнь не улучшит, а создаст ее ухудшение из-за всеобщего дефицита и всеобщей спекуляции.

Представьте себе теперь, что те же трудящиеся подняли свою производительность в два раза и произвели в два раза больше товаров и услуг, т.е. увеличили пирог в два раза. Положим при этом, что все зарплат, все налоги и все прибыли в рублях остались прежние. Что произойдет? За свои ПРЕЖНИЕ рубли население получит в два

раза больше товаров и услуг, т.е. жизнь станет в два раза лучше. Весь пирог и в этом случае будет потреблен населением. Каждый рубль будет покупать в два раза больше товаров и услуг.

Вместо инфляции произойдет ДЕФЛЯЦИЯ, т.е. снижение цен. Рост производительности труда трудящихся при сохранении прежних зарплат приносит снижение цен и улучшение жизни.

Итак, ТОЛЬКО УВЕЛИЧЕНИЕ ИЛИ УМЕНЬШЕНИЕ ПИРОГА, ПРОИЗВОДИМОГО ТРУДЯЩИМИСЯ, МОЖЕТ СООТВЕТСТВЕННО УЛУЧШАТЬ ИЛИ УХУДШАТЬ ЖИЗНЬ В СТРАНЕ.

Западные экономисты вместо подъема производительности, т.е. вместо увеличения пирога предлагают поднять цены, чтобы изъять у населения все деньги, тем уменьшить спрос на товары и услуги и тем ликвидировать дефицит и спекуляцию. Я думаю, теперь нетрудно понять, что дефицит, действительно, исчезнет, а спекуляция? Раз все это повышение цен не будет ужасной, всеобщей, ГОСУДАРСТВЕННОЙ спекуляцией? Кроме того, УМЕНЬШИТСЯ. Ведь ПОТРЕБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УМЕНЬШИТСЯ: слишком дороги товары и услуги. Придется сознательно сокращать производство, т.е. сознательно уменьшить пирог. Уменьшение же пирога понизит уровень жизни населения И ЕЩЕ и создаст массовую безработицу, что и происходит в странах бывшего социализма, воспользовавшихся ИДИОТСКИМ западным советом. Кроме того, сокращение производства ведет к уменьшению налоговых доходов государства и к увеличению расходов, в частности на пособия по безработице. Естественно, государство, стремясь уменьшить получившийся дефицит бюджета, начинает увеличивать налоги и всякие поборы, т.е. начинает просто грабить и население, и народное хозяйство. Этот грабёж и еще увеличивает инфляцию, удушает производство, увеличивает его убытки, ведет к новым банкротствам. Происходит дальнейшее сокращение производства, т.е. уменьшение пирога, которое снова увеличивает дефицит бюджета, требует нового увеличения цен и увеличения государственного грабежа и т.д. до сверхмассовой безработицы и полной катастрофы.

Выход же состоит ТОЛЬКО в увеличении пирога, т.е. в увеличении производительности трудящихся и в увеличении производительности государства. Это значит, что НУЖНО ПРЕВРАТИТЬ В ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ФЕРМЕРОВ) КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ГРАЖДАН.

Только производительный труд ВСЕГО населения может резко увеличить пирог,

быстро И БЕЗ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН, БЕЗ БЕЗРАБОТИЦЫ, БЕЗ "ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ" полностью ликвидировать кризис и привести страну к процветанию. Советы западных экономистов подобны совету лечить истощенного больного рвотными и клизмами. Следовать их советам – значит убивать больного и обрекать страну на длительные и мучительные страдания, пока люди не разберутся сами, что к чему, и не начнут СООБЩА "ВКАЛЫВАТЬ", УВЕЛИЧИВАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И ПИРОГ, НАПОЛНЯЯ ПОЛКИ МАГАЗИНОВ, СНИЖАЯ ЦЕНЫ И БЕЗРАБОТИЦУ, вместо того, чтобы, по идиотскому совету Запада, вздуть цены, создавая массовую безработицу и, уменьшая пирог, обрекать население на нищету при наполненных магазинных полках. Итак, все дело в количестве и в качестве труда трудящихся.

3. Создает ли инфляцию печатный станок?

Цена пирога состоит только из трех частей: всех чистых зарплат, всех чистых прибылей и всех государственных налогов и поборов. Поэтому инфляция создается увеличением зарплат, налогов и прибылей без соответствующего увеличения пирога. Поскольку доля прибылей в цене пирога мала, влияние увеличения прибылей незначительно. УВЕЛИЧЕНИЕ ЗАРПЛАТ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ И ПОБОРОВ БЕЗ СООТВЕТСТВЕННОГО УВЕЛИЧЕНИЯ ПИРОГА ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНОЙ ИНФЛЯЦИИ.

Представьте, что зарплаты увеличились, а пирог не увеличился. Если продать его по прежней цене, получится нехватка денег на выплату зарплат, пенсий и пособий, т.е. дефицит государственного бюджета. Чтобы ликвидировать дефицит бюджета, не повышая цен, надо либо соответственно сократить расходы на непродовольственную часть населения или придется напечатать дополнительные деньги. Таким образом дело не в злой воле, пускающей в действие печатный станок, а в увеличении зарплат без соответствующего увеличения пирога. Дефицит бюджета есть результат чрезмерных расходов государства по отношению к величине пирога. Дело не в печатном станке, а в том, что зарплаты, пенсии, пособия надо платить, а в казне нет денег, так как пирог мал и его продажа не покрывает всех расходов. Вот и приходится пускать в действие печатный станок, чтобы платить зарплаты, пособия и пенсии.

Правильный выход в повышении производительности государства, т.е. в увеличении пирога ПУТЕМ СООТВЕТСТВЕННО БОЛЬШЕГО

ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВО. ЕСЛИ СООТВЕТСТВЕННО УВЕЛИЧИТЬ ПИРОГ, ТО И ПРИ ПРЕЖНИХ ЦЕНАХ НЕ БУДЕТ ДЕФИЦИТА БЮДЖЕТА И ПЕЧАТНЫЙ СТАНОК НЕ НУЖНО БУДЕТ ПУСКАТЬ В ХОД. Дефицит бюджета и работа печатного станка есть следствие слишком малого пирога, производимого трудящимися.

4. Вред инфляции

Какие бы ни были зарплаты, налоги и прибыли, составляющие цену пирога, все они попадут, в конечном итоге, в карманы населения и составят то, что называется национальным доходом. Иначе говоря, какая бы ни была цена пирога, она равна совокупности доходов населения, т.е. население в состоянии купить весь пирог, независимо от того, есть инфляция или ее нет. В любом случае пирог будет населением куплен. Беда в том, что ИНФЛЯЦИЯ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЕТ ПИРОГ. Те люди, которым удастся увеличить свой доход при инфляции, получат больше кусок пирога, чем раньше, а люди с прежним доходом получат соответственно меньше. При инфляции государство быстренько повышает доходы своего аппарата и армии, а под давлением трудящихся повышает их зарплаты. Обычно остаются при прежних доходах пенсионеры, люди на пособиях, люди без "громкого голоса", т.е., как правило, беднейшая часть населения. Пирог не увеличился, бедные остались при прежних доходах, доходы богатых увеличились. Следовательно, бедным достанется меньшая доля пирога, чем раньше, а богатым – СООТВЕТСТВЕННО большая доля пирога, чем раньше. Сильные богатые от инфляции выигрывают, а слабые бедные проигрывают.

5. Индексация доходов

Если повышать доходы всех групп населения одинаково, пропорционально инфляции, то распределение пирога среди населения сохранилось бы прежним и при инфляции и никто не пострадал бы. Конечно, повышение доходов соответственно увеличило бы инфляцию, т.е. такая ИНДЕКСАЦИЯ УВЕЛИЧИВАЕТ ИНФЛЯЦИЮ, но имеет целью сохранить прежней долю пирога, покупаемую каждым гражданином. К сожалению, цены при инфляции поднимаются неравномерно: на одни товары и услуги больше, на другие – меньше и на все – поразному. Для разных товаров и услуг повышение цен будет разным. Поэтому для каждого гражданина будет существовать свой (личный) процент инфляции в зависи-

мости от того, какие товары и услуги он покупает. Поэтому индексация всего населения по ОДНОМУ ОБЩЕМУ проценту инфляции не может сохранить прежнее распределение пирога и кто-то обязательно будет страдать, а кто-то выигрывать. Лучше индексировать ТОЛЬКО беднейшую часть населения. При этом можно индексировать так, что выигрыш у богатой части населения и проигрыш у беднейшей части из-за инфляции почти исчезнут. Бедняки сохранят свою прежнюю долю пирога и их жизнь не ухудшится, а богачи тоже останутся с прежней долей и не выигрывают.

Однако и в этом случае инфляция продолжится, увеличится и может превратиться в суперинфляцию. Иначе говоря, такая индексация бедняков может быть только временной. Нужно восстанавливать равновесие между величиной пирога и его ценой, т.е. ликвидировать инфляцию и индексацию.

6. Конвертируемость рубля

Обменяет ли американец свои доллары на аргентинские "астрали" (аргентинские деньги), если инфляция в Аргентине 10% В ДЕНЬ? Конечно нет. Ведь уже завтра на эти астрали можно будет купить на 10% меньше товаров и услуг. Даже вы, читатель, не захотите менять свой "деревянный" рубль с много меньшей инфляцией на астрали с такой суперинфляцией. Иначе говоря, люди захотят конвертировать, т.е. обменивать доллары или другую валюту на рубли только при достаточно малой инфляции в России. Валюта и называется твердой именно потому, что ее ценность меняется очень медленно, т.е. инфляция в стране с твердой валютой достаточно мала. В странах с твердой валютой производительность растет, т.е. пирог увеличивается и тем уменьшает инфляцию, создаваемую ростом зарплат и налогов, до приемлемого уровня. А в странах с неконвертируемой валютой зарплат и налоги растут, а пирог даже уменьшается, что и создает суперинфляцию.

Легко теперь понять, что увеличивать инфляцию даже только индексацией доходов бедных следует только в самом крайнем случае, так как инфляция всегда подрывает конвертируемость рубля.

Может быть, взять теперь и выпустить твердый (бумажный) червонец? Бесполезно. Если зарплат и налоги будут продолжать расти, а пирог не будет увеличиваться, инфляция останется. Значит и ценность "твердого" червонца будет уменьшаться в соответствии с инфляцией. Когда в эпоху НЭПа выпустили червонец, дело было не в червонце, а в прекращении инфляции в ре-

зультате повышения производительности, т.е. в результате увеличения пирога. Поэтому ликвидировать инфляцию и сделать рубль твердым могут только трудящиеся, повышая свою производительность и увеличивая пирог в соответствии с ростом своей зарплаты. Опять дело в трудящихся.

Вторая причина того, что иностранцы не хотят конвертировать доллары или другую твердую валюту в рубли, заключается в коренных различиях систем ценообразования. В России (поскольку СССР уже не существует, я буду называть нашу страну ее старым именем Россия) цены устанавливаются ПРОИЗВОЛЬНО государством, а в странах с твердой валютой — с помощью РЫНКА. Поэтому цена многих товаров и услуг в России очень занижена, а других многих товаров и услуг завышена по сравнению с рыночной. Поэтому в переводе рублей в доллары происходит страшная неразбериха. Пусть, скажем, кило хлеба в России стоит рубль, а кило такого же хлеба в США стоит 0,5 доллара. Значит конвертируемость по хлебу будет: 1 рубль равен 0,5 доллара. Возьмем теперь какой-нибудь компьютер. В США он, скажем, стоит тысячу долларов, а в России такой же стоит, скажем, 50 тысяч рублей. По этому компьютеру конвертируемость рубля будет: 50 рублей равны одному доллару. Представляете, как нужно было обменивать доллары на рубли, если продавать России хлеб, а покупать компьютеры. Прогоришь обязательно. Лучше доллары на рубли не обменивать. Иначе говоря, для конвертируемости рубля нужно и инфляцию ликвидировать, и сделать так, чтобы и цены определялись не государством или Моссоветом, а свободным рынком. Без этого никакие червонцы не помогут.

Представьте себе теперь, что все деньги стали делать из чистого золота, а трудящиеся продолжают повышать себе зарплаты, не увеличивая производимого ими пирога. Что произойдет? Произойдет та же инфляция и при золотых деньгах. За те же товары и услуги придется платить больше и золотых денег, т.е. цены и в золотых деньгах повысятся. Другое дело, что золото имеет свою ценность, которой бумага не имеет. Можно будет продать золото за доллары и за них ввезти кусок американского пирога.

Однако золотые деньги, сами по себе, не могут повысить производительность труда. Не могут увеличить пирог. Не могут ликвидировать инфляцию. Поэтому даже обеспечение денег золотом не даст конвертируемости рубля. Оно может лишь обезопасить финансово-междугосударственные

сделки. Конвертируемость рубля могут создать только трудящиеся своим трудом, ликвидировав инфляцию (увеличивая свои зарплаты строго в соответствии с увеличением своей производительности и с увеличением пирога), а также ликвидировав социализм и разницу в системах ценообразования.

7. "Либерализация цен"

Вот Запад предлагает: освободите цены от государственного (или моссветского) контроля. Пусть их определяет рынок. Тогда население затаенет пояс на пузе, станет меньше потреблять, перестанет требовать себе высокие зарплаты, будет трудиться по дешевке. Казалось бы, тогда и пирог начнет увеличиваться. Напрасная надежда. Если магазины будут полны товарами, а потребление из-за высоких цен сократится, получится искусственное перепроизводство. Придется производство сокращать, т.е. уменьшать, а не увеличивать пирог.

Опять тот же порочный круг. Без увеличения пирога никакие манипуляции с ценами не разрешат кризиса. Нужно увеличивать пирог, т.е. **НУЖНО ВСЕМИ, ПОВТОРЯЮ, ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ ДЛЯ ГОРАЗДО БОЛЬШЕГО ВОВЛЕЧЕНИЯ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВО ПИРОГА.**

Вовлеките в производство пирога, скажем, в два раза больше людей (сократив непроизводящую часть населения), увеличьте пирог в России в два раза, и кризис исчезнет, и цены снизятся, и абсурда безработицы не будет. Абсурда потому, что всем всего не хватает, а миллионы людей превращены в безработных и вместо того, чтобы быть производителями, являются потребителями.

Все дело в трудящихся. Только они создали кризис. Только они могут вывести страну из кризиса.

8. Причина дефицита товаров, инфляции, безработицы в том, что население мало и плохо трудится

Итак, чтобы улучшить жизнь, есть только один рецепт: производить больше товаров и услуг и не портить того, что произведено. Это могут сделать только трудящиеся, а они этого не делают. Возьмите Чернобыльскую трагедию. Кто в ней виноват? Трудящиеся. Ученые плохо разработали основы получения атомной энергии. Инженеры и техники плохо спроектировали атомную электростанцию. Инженеры, техники и рабочие работали спустя рукава и совершили ошибку при эксплуатации атом-

ной электростанции. В результате произошел взрыв и колоссальная трагедия. Горбачев тут вроде ни при чем. Виноваты трудящиеся.

Произошла катастрофа с двумя поездами и с массой жертв из-за утечек и взрыва газа в ближайшем газопроводе. Газопровод был спроектирован, построен и эксплуатировался трудящимися. Опять они виноваты в катастрофе. Так можно проследить любой случай аварии, недостаточной производительности труда, потерь продукции и пищи, к трудящимся, к их плохой и недостаточной работе. Точно так же можно проследить причины значительно лучшей жизни населения на Западе к значительно лучшей и более квалифицированной работе трудящихся.

АКСИОМА: ЧЕМ ЛУЧШЕ И БОЛЬШЕ РАБОТАЮТ ТРУДЯЩИЕСЯ, ТЕМ ЛУЧШЕ СТРАНА ЖИВЕТ. Поэтому вопрос следует переформулировать так: **ПОЧЕМУ** трудящиеся в России так мало и так плохо работают? Юрий Соколов в "Известиях" предлагает переформулировать вопрос так: почему трудящихся в России **РАБОТАЮТ?** Такая формулировка тоже годится, так как результатом будет тот же: слишком маленький пирог.

9. Почему трудящиеся социалистических стран плохо работают?

1. Прежде всего потому, что они лишены права самостоятельной творческой деятельности и лишены собственных средств труда (средств производства). Лишены возможности работать на себя. Все средства труда и права на творчество находятся в руках высших правителей государства. От трудящихся требуется лишь выполнение единого государственного плана. Поэтому колоссальная творческая производительная энергия огромного населения, практически, не используется, а творческая энергия правителей ничтожна. Заметьте также, что правители не знают и не могут знать конкретных обстоятельств труда и жизни миллионов трудящихся, но всем распоряжаются, а сами трудящиеся все это хорошо знают, но ничем не распоряжаются. Понимаете, какой бедлам создается всеми этими государственными планами и директивами, не соответствующими местным конкретным обстоятельствам? Что удивляться, что пирог мал.

2. В дополнение к этому несчастью все трудящиеся работают по долгу службы, по обязанности, на социалистическое государство ("на дядю", а не на себя; поэтому многие трудящиеся просто не работают, по

Ю.Соколову). В этом суть социализма. Представьте себе, как можно было бы гигантски увеличить пирог, если бы трудящиеся убавили на себя, т.е. не по долгу службы, а из личного, эгоистического интереса.

Заметьте, что указанные выше обстоятельства делают трудящихся и безответственными. Как они могут отвечать за дело, когда им приходится действовать не по своему усмотрению, а по диктату сверху? Поэтому то там, то тут происходят аварии и несчастия, за которые трудящиеся не считают себя ответственными и которых, они считают, не могли предотвратить. Хотя многие трудящиеся в России трудятся героически, но далеко не все. Многим противно и надоело работать по диктату сверху. А что будет, если среди сотни трудящихся все еще действующей Чернобыльской атомной электростанции будет 2-3 человека бездельников, неумех или просто безответственных? Необходимая технология опять будет нарушена, произойдет новый взрыв и героям придется опять героически трудиться и жертвовать своей жизнью для ликвидации последствий аварии.

Действительно, уже после знаменитого взрыва произошла новая большая авария: разрушительный пожар на Чернобыльской же станции, и с ним пришлось снова героически бороться.

3. Далее. СССР является государством наемных трудящихся. Капиталистов и эксплуататоров в СССР нет. Все, от уборщицы до Великого вождя являются наемными работниками государства. Все трудящиеся за всю многотысячелетнюю историю человечества и на всей поверхности земли имеют желание (личный интерес) иметь поменьше неинтересной работы и получать за нее побольше зарплаты и всяких благ. Поскольку неинтересная работа абсолютно преобладает, трудящиеся хотели бы просто поменьше работать.

Легко видеть, что естественный и нормальный личный интерес трудящихся является чисто потребительским. К тому, чтобы побольше работать и за умеренную зарплату, их понуждает только долг и обязанность и государственная власть, а не личный, эгоистический интерес.

В результате все работники, включая вождей, грабят себя и свою страну, стараясь больше потреблять, а не больше производить. Пирог от этого начинает уменьшаться и страна нищает.

Согласитесь, что именно эти три указанных выше гигантские причины и привели социализм к катастрофе и не могли не привести.

10. Очевидный рецепт возрождения нашей страны

Разобрав и уяснив себе вышеуказанные причины низкой производительности социалистического государства, мы получим очевидный рецепт ликвидации социалистического кризиса, который сводится к полной ликвидации социализма.

1. Нужно немедленно передать всю собственность, все средства производства и права на любую производственную и торговую деятельность в любых областях народного хозяйства населению, изъяв их из рук правителей и государства.

Большие и средние по размеру предприятия тяжелой, оборонной и легкой промышленности, включая крупные медицинские, образовательные и всякие другие организации и предприятия, должны быть переданы полностью и безвозмездно в собственность коллективов их работников на паях с правом продажи паев (акций). Все здания и помещения переходят при этом тоже в собственность коллективов. Земля, на которой расположены предприятия, переходит тоже в полное ВЛАДЕНИЕ тех же коллективов.

Мелкие предприятия, включая медицинские, образовательные (школы) и всякие другие организации, могут быть проданы за СИМВОЛИЧЕСКУЮ плату (пополнить немного государственную казну) любому частному лицу или их группе, но не государственным или партийным ОРГАНИЗАЦИЯМ. Все соответствующие здания и помещения переходят в собственность покупателей тоже. Земля, на которой расположены эти производственные или торговые предприятия, передается во владение этих покупателей.

Совхозы со всеми их зданиями, помещениями, оборудованием переходят тоже в собственность их работников. Земля совхозов передается в полное владение их коллективов работников. При желании коллектив совхоза может поделить весь совхоз между работниками или выделить часть имущества желающим. Совхоз так будет превращен в несколько частных ферм.

Колхозы, по желанию их членов, могут быть сохранены или разделены между колхозниками. Во всяком случае, любой желающий колхозник должен иметь право выделяться, получив свою часть имущества и земли колхоза.

Должны быть немедленно выпущены недвусмысленные и без всяких оговорок законы, устанавливающие право частной собственности на любые средства производства и право частного предпринимательства в любой области человеческой деятельнос-

ти, не преступной по международным правилам.

Должны быть немедленно выпущены недвусмысленные и без оговорок законы, устанавливающие свободу внутренней и внешней торговли любыми товарами и услугами.

Должны быть выпущены законы, устанавливающие в каждой отрасли предел численности работников для любого одного предпринимателя или любой одной фирмы во избежание гигантизма и монополизма в любом виде деятельности. Например, для трудоемких предприятий или фирм, скажем, тысяча работников и не больше. Для менее трудоемких, как, скажем, банки, 300 работников и не более. Это обеспечит достаточное число конкурентных предпринимателей и фирм, создаст свободу рынка от удушающего воздействия гигантов и монополий.

Сильная конкуренция производителей и продавцов перед покупателем передаст управление экономикой в руки населения. Покупая или не покупая за ту или иную цену те или иные товары и услуги, население будет регулировать и объемы производства и качество и цены товаров и услуг.

Численность работников есть простой и универсальный фактор, определяющий размер предприятия или фирмы. Западные законы против монополий были установлены самими монополистами для борьбы друг с другом (в США — нефтяным монополистом Рокфеллером-старшим) и поэтому чрезвычайно неопределенны и совершенно не эффективны. Гигантизм и монополизм на Западе не уменьшается, а увеличивается, а от конкуренции, как двигателя прогресса в пользу населения, осталась только видимость.

Легко видеть, что вышеуказанными мерами будут ликвидированы первые две, указанные мной причины кризиса.

II. Как обеспечить в стране преобладание производителя личного интереса над потребительским?

Давайте рассмотрим соотношение личного интереса и долга перед обществом у людей в зависимости от их занятий.

1. Наемный трудящийся имеет ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ личный интерес, и только его долг перед обществом является производительским. Опыт тысячелетий показывает, что ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ интерес трудящихся всегда преобладает над их ПРОИЗВОДИТЕЛЬСКИМ ДОЛГОМ. Это демонстрирует, например, инфляция, вызываемая ростом

зарплат (и налогов), не оправданным соответствующим ростом пирога. В США с 1900 года ценность доллара понизилась так, что сейчас доллар покупает только столько, сколько в 1900 году могли купить 6 центов (в долларе 100 центов). В Англии за период от 760 года до 1909 года суммарная инфляция за 1149 лет была в 49 раз меньше суммарной инфляции всего за 80 последних лет от 1909 года, т.е., в среднем, годовая инфляция за 1149 лет до 1909 года была в 704 раза меньше годовой инфляции после 1909 года. Иначе говоря, до 1909 года, в среднем, инфляция, практически, не было. Почему такая разница? В Англии в конце девятнадцатого века появились и приобрели монопольную силу профсоюзы (трэдъ-юнионы) и с этого времени начинается непрерывное скольжение Англии из положения Великой в положение нынешней второстепенной державы. Профсоюзы Англии (в компании с государством) создали инфляцию, неоправданно, без увеличения пирога поднимая зарплаты, а государство так же неоправданно поднимая налоги. Профсоюзы так подняли ростом зарплат стоимость угля, производимого в Англии, что оказалось дешевле привозить его из Польши. В результате больше половины копей закрылись из-за убытков. Большая часть углекопов стала безработными. Угольная промышленность Англии чрезвычайно сократилась и перестала быть конкурентоспособной. Профсоюзы докеров добились себе таких благ, что почти все порты Англии стали убыточными и закрылись. То же произошло с судостроением. Трудящиеся судостроители добились себе таких благ, что разорили английское, известное во всем мире судостроение. Таким образом чрезмерная мощь ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО личного интереса трудящихся Англии с ее мощными и монопольными профсоюзами оказалась для населения Англии очень вредными, хотя вред потребительства трудящихся в социалистических странах был несравненно больше.

2. Директор социалистического предприятия, совхоза, колхоза имеет, как все наемные трудящиеся, тоже ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ личный интерес и только ПРОИЗВОДИТЕЛЬСКИЙ ДОЛГ перед обществом. Так как социалистические предприятия монопольны, то только государственный контроль подталкивает его в сторону долга. Личный интерес, как показывает опыт, пересиливает и в этом случае долг. Умный директор всегда блокируется с подчиненными трудящимися, и они вместе обманывают государство. Социалистический директор работает больше в сторону потребительства, чем

производительства.

3. Наемный трудящийся, менеджер акционерной компании (корпорации), как все наемные трудящиеся, имеет ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ личный интерес и тоже ПРОИЗВОДИТЕЛЬСКИЙ ДОЛГ перед акционерами. Некоторая конкуренция между корпорациями на Западе, однако, подталкивает его больше заботиться о количестве и качестве продукции, чем это делает монополист – социалистический директор. Однако опыт показывает, что и в этом случае ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО преобладает над производительством, но не так сильно, как у социалистического директора. Коллективная собственность оказывается несколько лучше государственной, но, теперь уже ясно, много хуже предпринимательской частной собственности. (Не забудьте, что на Западе любую НЕгосударственную собственность называют частной, включая в нее и коллективную собственность акционеров – корпорации.)

4. Представьте себе теперь наемного трудящегося, который решил стать предпринимателем. Направленность его личного интереса будет определяться КОНКУРЕНЦИЕЙ. Без конкуренции, являясь монополистом, он будет производить плохо и дорого. В условиях безработицы будет выжимать "соки" из своих работников. Это и будет тот самый ЭКСПЛУАТОР, которого так боятся наемные трудящиеся. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ интерес ЭКСПЛУАТОРА будет все еще много сильнее ПРОИЗВОДИТЕЛЬСКОГО ДОЛГА перед обществом.

При достаточно сильной конкуренции происходит метаморфоза в поведении этого трудящегося, ставшего предпринимателем. Чтобы не разориться и не потерять все свои деньги и имущество, ему придется производить БОЛЬШЕ, ЛУЧШЕ И ДЕШЕВЛЕ, чтобы покупали именно у него. Больше того, ему придется потратить много сил, чтобы создать из своих наемных работников настоящий слаженный и умелый, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ в работе КОЛЛЕКТИВ. Иначе ему не выдержать конкуренции. Иначе говоря, ему придется в точности следовать Заповедям: трудиться всем до поту, не лгать друг другу, не воровать друг у друга, возлюбить друг друга и тесно сотрудничать. Попробуйте построить хороший и дешевый дом без соблюдения коллективом строителей Заповедей.

Конкурентному собственнику придется убагловить своих работников по справедливости и зарплатой. Иначе говоря, КОНКУРЕНЦИЯ превращает его коллектив в ШКОЛУ НРАВСТВЕННОСТИ, т.е. понимания, что личное благо зависит от блага произ-

водственного коллектива, а благо коллектива зависит от блага покупателей и т.д. до понимания связи личного блага с природой, со Вселенной, с Богом, а это и есть высокая нравственность.

Легко видеть, что в этом случае один и тот же трудящийся с разрушительным потребительством превратится без конкуренции в ЭКСПЛУАТОРА, а с конкуренцией превратится в ВЫСОКОНРАВСТВЕННОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ и, я бы сказал, благодетеля страны. Больше того, необходимость заинтересовать в труде всех своих работников и опасность разориться ведет к тому, что он хочет платить работникам больше, но только за СООТВЕТСТВЕННО большую производительность. Он никому не заплатит, как и себе, таких бешеных зарплат, которыми награждают себя наемные трудящиеся – менеджеры корпораций (в прошлом году рекорд в США достиг 182 миллионов долларов в год). Таким образом КОНКУРЕНТНЫЙ ЧАСТНЫЙ СОБСТВЕННИК-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРОЧНЫМ БАРЬЕРОМ ПРОТИВ ИНФЛЯЦИИ.

Дайте теперь возможность МИЛЛИОНАМ наемных трудящихся превратиться с выгодой для себя (без удушения налогами и законами) в частных собственников – предпринимателей и фермеров, и они создадут между собой сильную конкуренцию перед потребителем, мощный стимул развития и улучшения жизни, и одновременно ликвидируют безработицу, создав миллионы и миллионы рабочих мест. КОНКУРЕНТНЫЙ СОБСТВЕННИК-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, НЕ УДУШАЕМЫЙ НАЛОГАМИ И ЗАКОНАМИ, ЯВЛЯЕТСЯ ПРОЧНЫМ БАРЬЕРОМ ПРОТИВ БЕЗРАБОТИЦЫ.

Таким образом частный собственник "эксплуатор" в условиях свободного, высококонкурентного рынка создаст в стране преобладание производства над потребителем, т.е. увеличение пирога и повышение уровня жизни. Ликвидирует инфляцию и безработицу, СОЗДАВАЯ ТЕМ НАИВЫСШУЮ ВОЗМОЖНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИЩЕННОСТЬ. ОН ЖЕ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ЭФФЕКТИВНОЕ ПОВЫШЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ. Слово становится честным, и на него можно будет полагаться больше, чем на документ, что ликвидирует и бюрократию. Особенно важно, чтобы в результате отсутствия безработицы через эти школы нравственности прошла вся молодежь и получила бы хорошую закалку производительного труда и высокой нравственности. Человек, познавший ценность труда, не будет вандалом и разрушителем, каких очень много среди молодежи Запады. Нужно понимать, что высокая нравствен-

ность есть основа успешности деятельности граждан, общества и государства. Видимо, нам следует снова провозгласить: **ДА ЗДРАВСТВУЮТ МИЛЛИОНЫ "ЭКСПЛУАТАТОРОВ"**. В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КОНКУРЕНЦИИ ЯВЛЯЮЩИХСЯ СПАСИТЕЛЯМИ ТРУДЯЩИХСЯ И СТРАНЫ!!!

ТРУДЯЩИЕСЯ, РАЗБОЛВАНИВАЙТЕСЬ, ВНИКАЙТЕ В ГЛАВНЫЕ ЗАКОНЫ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА!!!

12. О соотношении личного интереса и общественного долга у правителей

Вот трудящийся выбран в правители. Вы думаете, что его поведение останется прежним? Конечно нет. Раньше у него был, в основном, потребительский личный интерес. Теперь к нему добавится личный интерес укреплять и расширять свою власть (для пользы же общества!). Поэтому первые же законы, выпущенные новым правителем, будут преследовать именно укрепление и расширение его власти, а совсем не интересы трудящихся. Он будет считать, что он и не может заняться законами, улучшающими жизнь населения (т.е. увеличивающими пирог) до тех пор, пока не получит достаточной власти. Так и будет кричать о "параличе власти", о ее недостатке. Так поступают правители во всем мире сейчас. Так они поступали во всем мире тысячи лет в прошлом.

Конечно, могут иногда (редко) найтись и находиться такие правители, у которых долг перед населением более силен, чем у других. Я надеюсь, таким правителем является Б.Н.Ельцин. Но он окружен другими правителями и советниками, у которых далеко не у всех есть понимание нужд страны и сильное чувство долга. К сожалению, сам Ельцин тоже плохо знает основные законы экономики, как и большинство населения.

Поэтому очень важны средства контроля власти правителей и прежде всего важно точное распределение функций, власти, ЛИЧНОЙ ответственности. Лучше, например, не давать ни парламентам, ни правителям и президентам всей страны власти над всеми финансами, над конкретной, повседневной трудовой и жизненной деятельностью населения. Им нужно выделить общие функции для страны: официальную дипломатическую связь с внешним миром, оборону, координацию и арбитраж, и другие функции, которые местная власть не может исполнять. Все финансы, вся конкретная деятельность граждан должна контролироваться ими самими через МЕСТНУЮ власть. Местная власть должна взимать налоги, решать вопросы экологии, выпускать правила трудовой

и гражданской деятельности и т.п. Вот местную-то власть граждане и смогут контролировать, избирая подходящих для себя людей и обязательно не по партийному признаку, а по обнародованной ими ЛИЧНОЙ, А НЕ ПАРТИЙНОЙ программе. Сейчас населению нужно создавать соответствующее и очень большое давление на правителей, чтобы они немедленно позаботились о мерах по вовлечению населения в созидательный труд для увеличения пирога и позаботились о перераспределении функций, власти и ответственности в пользу МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ, находящихся под прямым контролем населения. Иначе говоря, центр государственного управления должен быть на местах, в общинах, а то опять будет: до Бога высоко, а до царя далеко.

13. Следует ли копировать Запад?

Будет до Бога высоко, а до царя далеко, как сейчас, когда все общественные деятели и вся пресса занимаются политикой (т.е. властью), перенимают внешние признаки западной жизни, как Биржи, миллионерство, концерны, монополии, гиганты, гигантские разрушительные профсоюзы и объединения, а увеличение пирога единственным правильным путем вовлечения населения в его производство остается без внимания. А население смотрит и соображает, что это все хорошо для правителей, а их собственную жизнь только ухудшает. Если оно погонит силой этих забывших совесть правителей, можно ли этому удивляться?

Так или иначе, происходящие сейчас в стране процессы похожи на напяливание сильно поношенного западного фрака на голое тело нищей страны. Деятели стараются строить инфраструктуру бирж, гигантских объединений и концернов, не имея самой структуры предпринимательства и фермерства. Строят крышу, не построив фундамента и стен.

А такой внешний признак Запада, как Биржи, может в будущем сильно повредить производству пирога. Поясню. Биржи бывают, в основном, фондовые, торгующие ценными бумагами и акциями, товарные и валютные. (О валютных биржах и биржах труда я не буду говорить.) Фондовые и товарные биржи (как Биржи валют и труда) являются простыми посредниками между продавцами и покупателями. Являются перекупщиками и спекулянтами, которые наживаются, покупая дешево, а продавая дорого. Причина их существования в том, что покупатели не знают продавцов и потому не могут купить прямо у производителя товара или услуги. Все сорта Бирж искажают ры-

ночные цены, вздувая их в результате оголтелой спекуляции: "делания денег из денег".

Между тем в недалеком будущем Биржи и на Западе обречены на исчезновение. Почему? Потому, что скоро распространятся компьютерные связи поставщиков и потребителей. Иначе говоря, каждый покупатель с помощью компьютерной, всегосударственной связи найдет подходящего себе производителя-продавца, а производитель-продавец легко найдет подходящего потребителя-покупателя. Это даст возможность быстро осуществлять связи, снабжение и сбыт без всяких Бирж и ДЕШЕВО. Конечно, сейчас такой компьютерной всегосударственной связи в России нет и Биржи еще необходимы, но увлекаться ими не следует. Связи, снабжение и сбыт через Биржу обходятся слишком дорого. Имейте в виду, что на Западе уже появились фирмы компьютерной информации, которые за небольшую (по сравнению с биржей) мзду соединяют производителей и потребителей, владельцев ценных бумаг – продавцов с их покупателями. Через такие фирмы все могут легко, дешево и надежно наладить связи, снабжение и сбыт.

В России также пытаются по примеру Запада превратить Божий дар – ТЕРРИТОРИЮ земли в собственность, которую можно покупать и продавать. На Западе, а особенно в Японии, у которой земельной территорией мало, спекуляция территорией привела к тому, что даже уже средний класс не может купить себе жилище или даже взять в аренду. Дело в том, что цена территории земли войдет в цену домов, предприятий на ней, и в цену любой продукции, произведенной на этой территории. Поскольку территория земли не является продуктом человеческого труда, она не имеет определенной цены. Цену любого продукта можно определить, хотя бы грубо сравнив количество и качество труда, вложенного в его производство. В территорию земли труд не вложен. Кроме того, недостаток того или иного товара ведет к росту цены на него, т.е. к повышению прибыли. Повышение прибыли ведет К УВЕЛИЧЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА ДАННОГО ТОВАРА, А ЭТО ВЕДЕТ И К Понижению цены до нормальной.

Повышая цену территории, нельзя увеличить ее производство. Территория не производится. Поэтому произвольность цены на территорию не имеет ограничения: цена может быть вздута буквально до небес. Так происходит на Западе везде, а в Японии особенно. "Московские Новости" (в разделе "Бизнес" от октября 91 года) сообщили, что цена "земли" в Москве сейчас выше, чем в Японии, и ни предприниматели, ни граждане купить или арендовать ее скоро уже не

смогут. И нам грозит западная ситуация, когда все страшно дорожает (неограниченно вздуваемая цена территории входит в цены), а жилища дорожают особенно. В то же время стоят заколоченные, пустые здания, раздражает глаз вид огороженных территорий, зарастающих бурьяном. Жить, производить и даже передвигаться становится нелегко. Владельцы территорий ждут, пока цена вырастет достаточно. В центре Лондона, в Сохо, владельцы земель вздули цены на помещения на 200 и 300% в один раз. Позакрывалось и опустело множество магазинов, мастерских жилищ. Сохо начинает пустеть.

Территория земли, являющаяся даром Божиим, не должна продаваться или покупаться. Продавать и покупать следует только то, что создано на этой территории трудом человека: урожай, продукцию производства, здания, предприятия, оборудование ирригации и т.д. и т.п. Иначе говоря, передавая землю в России "в собственность", нужно строго запретить продажу и покупку самой территории.

Когда Запад нам подсовывает свои примеры, чего он хочет? Он хочет у нас стабильной и сильной ЦЕНТРАЛЬНОЙ власти, с которой можно было бы иметь дела и которая могла бы гарантировать вывоз прибылей от построенных Западом предприятий в России и гарантировать хорошие проценты за кредит. (А это уже ясно, что нам такая централизованная власть не подходит). Хочет вывозить из России ПОДЕШЕВКЕ сырье, нефть, газ и т.д. (А это тоже не в наших интересах). Хочет продавать нам свои товары и вывозить выручку. (А это может подорвать нашу собственную промышленность такой ЧРЕЗМЕРНО сильной конкуренцией со стороны Запада). Если не говорить о благотворительности, Запад не собирает нас кормить или поднимать у нас производительность, создавая и себе конкуренцию. Он хочет, чтобы Россия дала работу и оплатила труд пары миллионов его западных безработных и обеспечила подходящую прибыль. (А мы заинтересованы дать работу своим безработным). Являются ли такие желания и действия Запада аморальными и предосудительными? Конечно, нет. Запад преследует СВОИ интересы, как мы должны преследовать СВОИ. Так что свои дела мы должны делать сами, преследуя СВОЮ выгоду. Поэтому я снова провозглашаю лозунг дня: "ДА ЗДРАВСТВУЮТ "ЭКСПЛУАТАТОРЫ" И ИХ КОНКУРЕНЦИЯ – СПАСИТЕЛИ ТРУДЯЩИХСЯ И ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ, ДАВАЙТЕ РАСПЛОДИМ ПОБОЛЬШЕ "ЭКСПЛУАТАТОРОВ" И ВОЗРОДИМ СВОЮ СТРАНУ САМИ, КОНЕЧНО, НЕ ПРЕ-

НЕБРЕГАЯ ТАКОЙ ПОМОЩЬЮ ЗАПАДА, КОТОРАЯ ВЫГОДНА И НАМ, А НЕ ТОЛЬКО ЗАПАДУ!!!"

Dr. A. Fedoseyev.

Box 373 GPO, London, EC1 PJ, England.

P.S. Немедленно дайте населению собственность. Тогда оно займется делом, а не национальными сварами, преступлениями и демонстрациями. Займется своим трудом, улучшая свою жизнь.

Ю. ДАВИДОВ

ВЕБЕР И БУЛГАКОВ

В рамках большой темы "Вебер и Россия", напрашивающейся, как мы все больше убеждаемся, не только в связи с фактом существования веберовских работ, посвященных 1-й русской революции, несомненно, должно быть отведено свое место и "очной ставке" Вебера и Булгакова. И не только потому, что "феномен" этой революции был "обследован" Булгаковым¹ с глубиной и размахом, не уступавшим веберовским. (А это уже само по себе делает интересным сопоставление — хотя бы по одному вопросу об оценке "феномена" российской революции — воззрений крупнейшего немецкого социолога и крупнейшего русского социального философа.) И не только потому, что тот и другой были неплохо осведомлены о работах друг друга и им приходилось даже обмениваться письмами².

Особый интерес такой "очной ставки" заключается также и в том, что одно из важнейших исследований Вебера, а именно "Протестантская этика", завершенная им незадолго до того, как он засел за писание статей о 1-й русской революции, — стало предметом углубленного булгаковского осмысления. Результаты этого осмысления получили свое отражение в докладе, сделанном С. Булгаковым в Московском религиозно-философском обществе 8 марта 1909 г., а затем в статье "Народное хозяйство и религиозная личность", напечатанной вначале в "Московском еженедельнике" (№№ 22–23 за 1909 год) и перепечатанной в "Двух градах" — двухтомнике булгаковских статей за 1904–1910 гг.³

Причем, судя как по прямым, так и по косвенным ссылкам самого С. Булгакова на проблематику, впервые введенную им в российский научный оборот в этой статье, основополагающие идеи "Протестантской этики" оставили глубокий след в системе социально-философских воззрений автора "Двух градов". В очень многих отношениях можно считать прямым продолжением названной статьи одну из центральных тем знаменитой "веховской" статьи С. Булгакова "Героизм и подвижничество"⁴, где развивается, в частности, идея "внутримирской ас-

кезы. Веберовский след отчетливо прослеживается и в "Философии хозяйства" Булгакова, вышедшей в 1912 году, и в его предреволюционных статьях 1914–1917 гг., а также в самых поздних его работах⁶.

Глубокий и напряженный интерес, вызванный у С. Булгакова веберовской "Протестантской этикой" — причем как раз в то время, когда социально-философские раздумья о "событии" 1-й русской революции и ее смысле достигли своей кульминационной точки, выплеснувшись в его "веховской" статье, — проступает особенно резко на фоне полного отсутствия следов какого бы то ни было интереса к веберовским статьям об этой революции. Это явное предпочтение Вебера — автора "Протестантской этики" при полном игнорировании Вебера — автора статей о русской революции, с одной стороны, выглядит весьма загадочным⁷, но, с другой — быть может, прольет некоторый свет на особенности булгаковского *социально-философского* подхода к рассмотрению российской революции в отличие от веберовского — социологического и "политологического".

Любопытно также и то, что С. Булгаков, достаточно быстро реагирующий на заинтересовавшие его новинки западной литературы (а его интерес, как известно, простирался от политической экономии до теологии и по своей широте не уступал веберовскому), обратил внимание на "Протестантскую этику" не сразу же после появления этого цикла веберовских статей, а лишь пять лет спустя. И это тоже вряд ли следует считать случайностью, связанной, скажем, с тем, что в период революции и первые послереволюционные годы его интересовала проблематика более актуальная (хотя бы чисто хронологически). Ведь С. Булгакову именно в этот период доводилось неоднократно "заглядывать" во времена, отстоявшие от времен революции 1905 года гораздо дальше, чем эпоха реформации.

Но, быть может, мы ближе подойдем к объяснению всех этих загадок, если учтем, что 1908–1909 годы, когда в фокус булгаковского внимания попала проблематика

"Протестантской этики", оказались для него не только временем углубленной самокритики бывшего марксиста, вступившего на стезю православия. Это был период, когда осмысление итогов 1-й русской революции поставило С.Булгакова перед проблемой *позитивной альтернативы* российскому интеллигентскому "революционизму". Ибо то, что произошло в ходе революции, в ходе первого же революционного "спазма", поразившего Россию, было осознано им теперь не просто как "ошибка" российской интеллигенции, но нечто гораздо большее. Проблема позитивной альтернативы революционизму вставала на фоне "исторического суда" над российской интеллигенцией "как таковой", которым – по убеждению С.Булгакова – стал и сам огорчительный ход революции 1905 года и, тем более, ее прискорбный исход. Ведь интеллигенция была и вдохновителем, и инициатором, и знаменосцем этой революции. И критика интеллигентского революционизма не могла не вылиться в обсуждение вопроса об *альтернативе* интеллигентскому сознанию, путях *самопреодоления* интеллигенции, которая должна была "умереть, чтобы родиться заново".

Предметом разговора было уже не "соотношение сил", "задействованных" в революции, и не способность (или, наоборот, неспособность) ее вождей правильно учитывать это "соотношение" на каждом новом этапе развития событий. Словом – не проблемы "стратегии и тактики" революции, которые оставались в фокусе внимания Вебера, как бы далеко ни заходил он при этом в своем анализе *социально-исторических рамок* и этой стратегии, и этой тактики. Под вопросом была *сама революция* – ее оправданность и законность, а значит – и сам тип российского интеллигентского сознания, для которого революция была "самооправданна" и "самозаконна"⁸. Разговор шел уже на другом уровне – о *стратегии* самой этой (интеллигентски-революционистской) стратегии – о ее полной несостоятельности и тупиковости. А, стало быть, – о том, что можно было бы предложить *вместо* идеи Революции, ставшей всепоглощающей идеей и страстью российской интеллигенции ("Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть"); *вместо* интеллигентской "заикленности" на проблематике "стратегии и тактики" русской революции.

Поскольку же, как говорится, "снявши голову, по волосам не плачут", поскольку проблематика, обсуждавшаяся в веберовских статьях о революции 1905 года, должна была явно обесцениваться в глазах С.Булгакова. Но тем большую ценность приоб-

ретала проблематика веберовской "Протестантской этики". Ведь здесь для мыслителей булгаковского типа и склада таилась возможность специфически русского, православного, переосмысления идеи *реформации*, взятой как альтернатива если не революции вообще, то, во всяком случае, – ее *абсолютизации* в российском интеллигентском сознании *в целом*⁹. Причем все это – *совершенно безотносительно* к тому, рассматривал ли сам Вебер протестантскую религиозную реформацию как альтернативу (социально-политической революции) или нет.

Главной идеей, какую идеологи "Вех" (и прежде всего, С.Булгаков и П.Струве) противопоставили интеллигентской догматизации Революции, потерпевшей, по их убеждению, *исторический крах* именно в России, была идея *воспитания народа* (понятого как нравственно-религиозное воспитание). Отсюда – интерес к протестантской реформации (взятой в ее веберовской трактовке), где, казалось, и было уже найдено решение этой задачи, которая фактически встала и перед 1-й русской революцией, но которую та не смогла решить. Это – задача формирования действительно свободной – *самодетальной – личности*, которая могла бы стать опорой демократических преобразований в России¹⁰. Решить же свою задачу российская интеллигенция не смогла прежде всего потому, что избрала для этого негодное средство – политическую революцию.

Избрала же она именно такое средство, а не другое, как раз потому, что в силу присущего ей "воинствующего атеизма" не смогла осознать со всей ясностью и отчетливостью саму эту задачу. И вместо того, чтобы начать с воспитания народа (и прежде всего – самой себя, как его самой активной части) в духе *внутренней* свободы, начала с попытки преобразования *внешних* условий существования народа – то есть опять же с политической революции – в тщетной надежде, что таким путем будет достигнута его освобождение. В этой роковой ошибке российской интеллигенции нашла свое отражение принципиальная сложность ее *атеистического мировоззрения*, в противоположность которому С.Булгаков – вместе с другими "веховцами" – выдвигал *мировоззрение религиозное*, стремясь развить его, ассимилируя, в частности, также и идеи веберовской "Протестантской этики".

1. "Народное хозяйство и религиозная личность"

Учитывая "интеллектуальную ситуацию", в какой находился С.Булгаков к моменту его

встречи с Вебером – автором "Протестантской этики", нетрудно предположить, какие идеи и выводы этого *глубинно-социологического* веберовского исследования должны были бы произвести на него наиболее сильное впечатление. Среди них, как и следовало ожидать, на первом месте действительно оказалась идея *нового понимания человека* принципиально иного, чем то, что утвердилось в классической политэкономии, начиная с Д.Рикардо, где оно формировалось под преобладающим влиянием Бентама с его пресловутым утилитаризмом и резюмировалось в получившем характер "научной" догмы понятии "экономического человека". Само же новое истолкование человека формировалось – и мы сможем убедиться в этом – под сильнейшим впечатлением, какое произвела на С.Булгакова веберовская концепция *примата* определенного – и именно религиозного – типа *этики* в процессе возникновения нового типа экономики и новой формы хозяйственной жизни. Тогда как для Вебера все упиралось здесь в *проблему Реформации*, взятой под углом зрения формирования в ее ходе нового типа "хозяйственной этики" и, соответственно, нового хозяйственного субъекта, который, как следовало из его "Протестантской этики", был столь же односторонним, сколь и извращающим образом "концептуализирован" в понятии "экономического человека".

В контексте такой вот *встречи* С.Булгакова с Вебером и возникла идея булгаковского доклада, посвященного проблеме взаимосвязи "народного хозяйства" и "религиозной личности" (не просто "соответствующей" ему или "отражающей его потребности, но вызывающей его к жизни")¹¹. Доклад свой С.Булгаков начинает с критики *социальной философии* И.Бентама, превращаемой тем в "политическую арифметику", в рамках которой общество предстает исключительно как совокупность человеческих "атомов", отталкивающих друг от друга в силу противоположности движущих ими интересов. Из этой радикально-утилитаристской философии, согласно булгаковскому убеждению, Д.Рикардо и его последователи и заимствовали свою исходную предпосылку, сформировав представление об "экономическом человеке" – как своего рода машине, "считающей интересы" в стремлении в каждом данном случае достичь наибольшей выгоды с наименьшими затратами.

С небольшими изменениями, сводящимися к тому, что на место индивида был поставлен теперь "класс", ничего не желающий знать, кроме все того же "мате-

риального интереса", понятие "экономического человека"¹² – было ассимилировано Марксом, а от него воспринято и марксистами. Разумеется, самая общая – фундаментальная – предпосылка утилитаристски-бентамовского понимания человека, уходящая своими корнями в "зыбучие пески" просветительской философии XVIII века, от этого не изменилась. Она получила лишь заостренно агрессивное выражение в теории "научного социализма", апеллирующей к "выводам" марксистской политической экономии.

Подобно Бентаму и классической политэкономии, "материалистические концепции социализма"¹³ механизмируют общество и устраняют живую человеческую личность и неразрывно связанную с нею идею личной ответственности, творческой воли... /2, 179/. При этом и рикардянцы-"манчестерцы", фактически отправлявшиеся от Бентама, и социалисты-"материалисты", которых С.Булгаков называл "манчестерцами на выворот" или "контрманчестерцами", забывали об одном и том же. А именно – о том, что их общий предтеча Адам Смит, раньше всех "операционализировавший" в своей политэкономии понятие "экономического человека", хорошо помнил о его ограниченности. Не случайно он был не только автором "Богатства народов", где апеллировал по преимуществу к эгоистическим инстинктам человека, но и "Теории нравственных чувств", где речь шла, главным образом, о его альтруистических инстинктах. Он хорошо понимал условность введенного им разграничения "экономического" и, так сказать, "этического" человека.

Однако экономисты следующих за ним поколений мало-помалу забывали об условиях и границах смитовского различения, вставая на позиции Бентама. Приняв "экономического человека" – эту "условность политической экономии" /2, 181–182/ – за "человека вообще", сама политическая экономия, забывшая о том, что эта теоретическая "фикция" искусственно обособляет хотя и "очень важную", но всего лишь одну сторону "жизни человеческой личности", одно из "проявлений деятельного я", закрывает, в конце концов, перспективу и для своего собственного развития. Ибо хозяйство, изучением которого она занимается, – это, как подчеркивает С.Булгаков, "взаимодействие свободы, творческой инициативы личности, и механизма, железной необходимости. Это – "борьба личности с механизмом природы и общественных форм в целях приспособления к потребностям человеческого духа. Одним словом, *хозяйство ведет хозяин*" /2, 183/. Хозяин – как цело-

стный индивид, как самосознающая и ответственная личность. В ней невозможно отделить одну из ее "сторон", скажем, участвующую в решении сиюминутных утилитарных задач, от другой, вовлеченной в решение вопросов более общего порядка. "Проклятых вопросов" – например, о главных ориентирах ее деятельности или, еще шире, о смысле деятельности вообще.

Так подводит С.Булгаков своего читателя к "теме настоящего очерка", к которой сам он, в свою очередь, был подведен¹⁴ сначала (и еще в самом общем виде) книгой Г.Эйкена "История и система средневекового мирозерцания" (3)¹⁵, а затем (и это был уже толчок в совершенно конкретном направлении) исследованиями М.Вебера о протестантской хозяйственной этике. В качестве специалиста в области политэкономии, хотя уже проделавшего длинный и извилистый путь от марксизма к идеализму и от идеализма к православию, С.Булгаков, читая Г.Эйкена, обращал внимание на парадоксально-земные последствия аскетичности средневекового католичества вообще и монашества в особенности, о которых так много говорилось в его книге.

"Парадоксия средневекового аскетического мировоззрения, – писал он, резюмируя свое впечатление от этой книги (вполне отвечавшее ее основной интенции), – заключается... в том, что это мироотрицающее, безземное учение приводило к стремлению овладеть этим осужденным миром и этой землей, как бы натурализоваться в этом мире. Трансцендентная метафизика оказывалась связанной с клерикальным позитивизмом римского престола и его властолюбивыми замыслами. Те, которые не знали в этом мире никаких ценностей, отдавали всю свою энергию, чтобы овладеть этим миром" /4, I, 155/. И хотя, как видим, в центре внимания С.Булгакова оказывались политические результаты католической аскетичности, уводившей, казалось бы, человека прочь от земли, однако достигавшей – тем самым – вполне земных целей, он, как свидетельствует его доклад и статья "Народное хозяйство и религиозная личность", не склонен был понимать под овладением "этим миром" на путях аскезы одну лишь политическую власть над ним.

"Аскетизм, – переводит вчерашний читатель книги Г.Эйкена идею завоевания – с его помощью – политической власти над миром в более широкий, если не сказать – универсальный план (чтобы перевести затем разговор в политэкономический, хозяйственный регистр¹⁶), – в практическом отношении есть отношение к миру, связанное с признанием высших, надмирных, трансцен-

дентных ценностей, причем отдельные оценки устанавливаются здесь в отношении к этим ценностям. Он выводит за пределы непосредственной, имманентной данности этого мира. Но именно в силу этого своего как бы мироотрицания оно может быть, а при известной степени напряженности оказывается побеждающим мир, как и всякое, впрочем, глубокое идеалистическое воодушевление" /2, I, 184/.

Причем дальнейшее развитие этого хода мысли все больше разводит С.Булгакова с Г.Эйкеном, явно недооценивавшим хозяйственное значение христианской аскетичности "овладения этим миром" – во всяком случае, по сравнению с политическим. Так, в статье, посвященной книге Эйкена, он писал, излагая концепцию автора, подчеркивавшую хозяйственную "реакционность" средневековой католической аскетичности: "Вообще в темную и чаще всего вненравственную или даже безнравственную область экономических отношений церковь вносит нравственное начало, проповедуя воздержание, умеренность, человеколюбие. И в то же время вследствие того же морализма, напоминающего здесь толстовство, церковь явилась силой не только консервативной, но и реакционной...". Ибо она, по словам С.Булгакова, "стремилась удержать на вечные времена примитивный натурально-хозяйственный строй", препятствуя "экономическому прогрессу, стихийно необходимому" /2, I, 163–164/. А в статье "Народное хозяйство и религиозная личность", из которой мы привели предыдущую цитату, Булгаков подкрепляет свою мысль ссылкой на работу Э.Трельча "Социальные учения христианской церкви", опубликованную в 1908 году в зомбартовски-веберовском "Архиве социальной науки и социальной политики" (6). В ней подчеркивалось, что аскетизм вообще "не препятствовал и не мог препятствовать выработке культуры" /2, I, 185/, включая сюда и хозяйственную культуру.

По этой причине С.Булгаков счел необходимым при перепечатке статьи "Средневековый идеал и новейшая культура" в двухтомнике "Два града" снабдить свое изложение концепции Г.Эйкена специальным примечанием: "Как показывает Э.Трельч в новейшем исследовании /6/..., характеристика средневековой культуры и хозяйства у Эйкена сделана односторонне и сильно "стилизованна", так что не может быть принята без весьма существенных оговорок" /2, I, 164/. Напомним: примечанием снабжено то место булгаковского изложения книги "История и система средневекового мирозерцания", где идет речь о том, что "индивидуалистический аскетизм

недостаточен для установления охватывающего принципиального отношения к народному хозяйству...” /2, I, 164/.

В резком противоречии с тем, о чем сам же он писал в своем комментирующем изложении концепции Г.Эйкена (и как бы "перегибая палку" в противоположную сторону), автор статьи "Народное хозяйство и религиозная личность" утверждает теперь, что "благодаря аскетической дисциплине труда монастыри сыграли огромную роль в экономическом развитии Европы" и что "наша теперешняя хозяйственная жизнь, наше народное хозяйство опирается, как на свой фундамент, на аскетический труд монашеской средневековой Европы" /2, I, 186–187/. При этом он ссылается, в частности, и на упомянутую книгу самого Г.Эйкена, где, оказывается, содержались примеры из области *трудовой аскетики*, позволяющие толковать "овладение миром", осуществляющееся католической церковью с помощью "внемирского аскетизма", далеко не только в одном лишь узко-политическом смысле. К примерам, заимствованным из этой книги, добавляются ссылки на устав св.Федора Студита "для восточных монастырей", а также на выводы нашего выдающегося отечественного историка В.О.Ключевского о значении православных монастырей в истории русской колонизации. Таким образом идея положительного хозяйственного значения христианских монастырей приобретает всеобщий смысл, одинаково релевантный и для западной церкви, и для восточной.

В этом контексте и вводится С.Булгаковым в оборот русской социальной философии и социальной науки собственно веберовская проблематика "Протестантской этики", акцентирующей особую хозяйственную роль не христианской аскетики вообще, в самом широком смысле, но роль именно *протестантской аскетики*. Речь идет о роли этой аскетики – и шире: протестантской "хозяйственной этики", – взятой в ее отношении к тому, что уже В.Зомбарт называл "*капиталистическим духом*", связывая с ним "современный капитализм" с его сложным "хозяйственным механизмом". Само общее название серии веберовских исследований – "Протестантская этика и дух капитализма" свидетельствует о том, что их автор принимает это понятие. Однако делает он это на вполне определенных условиях.

Во-первых, Вебер – в противоположность В.Зомбарту – берет этот "дух" не как "производное" от капитализма. В соответствии с задачей, поставленной им перед собой, он принимает "обратную гипотезу",

то есть предположение, сообразно которому именно капитализм оказывается "производным" от упомянутого "духа". Ибо – и это во-вторых – веберовская задача заключается не в том, чтобы анализировать "*ставший*" капитализм, который действительно производит и соответствующий "дух", как это представлялось Марксу и кажется теперь Зомбарту, а в том, чтобы исследовать капитализм *становящийся*, вернее, сам процесс его становления. Но в таком случае отношение между "духом" капитализма и им самим оказывается диаметрально противоположным.

Ведь коль скоро капитализма еще нет в наличии, то, следовательно, капиталистическому "духу" нечего и отражать. И если бы этот "дух" (в какой-то, пусть предварительной форме) уже имел место, то о нем могла бы идти речь лишь как о *предшественнике, предтече* капитализма, а не о его "производном". Так вот: в этом своем качестве "дух" капитализма, только еще *имевшего быть*, должен был бы существовать в виде своей "куколки". А это и есть протестантская хозяйственная этика, из которой предстояло вылететь "бабочке" капитализма, идеальным слепком с которого является уже зрелый капиталистический "дух". Как видим, подобно молодому Ницше, который задался вопросом о происхождении трагедии из духа музыки, Вебер ставит вопрос о происхождении капитализма из духа религии – протестантской хозяйственной этики.

В булгаковском изложении эта постановка вопроса звучит так: "Современный капитализм также связан с особым капиталистическим духом, соответствующим этому сложному хозяйственному механизму. Зомбарт считает главным признаком этого капиталистического духа экономический рационализм, методическое применение средств к цели. Этот рационализм объективно воплощается в современной технике, представляющей собою приложение рациональной научной технологии. Этот рационализм хозяйственной жизни в настоящее время мы наблюдаем уже сложившимся. Но как же он складывался, что легло первоначально в его основу, каковы духовные предпосылки этого капиталистического духа, а до известной степени и самого капитализма?" /2, I, 188/.

Для самого С.Булгакова этот вопрос звучен волновавшей его проблеме генеалогии "экономического человека", о котором заставляет вспомнить "экономический рационализм" Зомбарта. Откуда вести его происхождение – от Бенетама, чей насквозь утилитарный и своекорыстный че-

ловек предстает простым слепком с такого "рационализма"? Или расшифровать понятие "экономического человека", отправляясь от "духа капитализма", взятого в его генезисе, в его происхождении из протестантской "хозяйственной этики". В первом случае в подтексте этого понятия мы не найдем ничего, кроме все того же рационализма, рационалистического слепка с "законов" функционирования капиталистического хозяйства, — и, стало быть, не двинемся дальше того, что уже имеем "в наличии". Во втором случае — а это и есть, согласно С.Булгакову, случай Вебера — мы выходим за пределы капиталистической "данности", размыкая ее горизонты далеко за пределы "экономического рационализма" — в глубины христианской религиозной традиции, претерпевшей на протяжении своей многовековой истории целый ряд серьезных метаморфоз.

Одной из таких метаморфоз была протестантская реформация христианства, предшествовавшая появлению на свет капитализма, и — более того — того человеческого типа, которому этот капитализм был обязан своим возникновением. "Хозяйственный", если можно так выразиться, *смысл* этой религиозной реформации заключался в радикальном *переосмыслении* традиционного христианского *понимания аскезы*, с которой, как мы убедились, были связаны вполне определенные хозяйственные успехи христианства еще в докапиталистическую эпоху. Переосмысление это заключалось прежде всего в том, что вместо дискредитированной и отмененной протестантизмом *внемирской аскезы*, замкнутой глухими стенами католических монастырей, утверждалась и укоренялась в народном сознании идея аскезы *внутримирской* или, как переводит С.Булгаков это слово, — "светской". А ее главным содержанием становился *труд*; так что речь шла теперь прежде всего о *трудовой аскетике* — аскетике, осуществляемой в процессе повседневного, систематического и методически размеренного труда.

Социальным пространством, в рамках которого труд становится главным аскетическим упражнением, основным орудием упорядочивания человеческой души и рациональной организации жизненного процесса индивида, в протестантизме становится *профессия*. Она рассматривается как личный призыв Бога, обращенный к каждому верующему, "застигнутому" на рабочем месте, предназначенному ему еще до его рождения: *профессия как призвание*. Индивид оказывается замкнутым в этом организующем его социальном пространстве,

очерченном для него самим Провидением, не только не менее, а, пожалуй, гораздо более прочно, надежно — и безусловно, — чем монах в пространстве монастыря. Профессия-призвание становится кельей, очерчивающей контур его личности, которую он всегда и везде носит с собою, как черепаха — свой панцирь. Коль скоро верующий протестант (в особенности — из числа приверженцев радикально-аскетических версий протестантизма: кальвинистов, пиетистов, методистов, сектантов анабаптистского толка) принял свою профессию — какова бы она ни была — как свой удел и в то же время обращенный к нему лично призыв Бога служить ему "здесь и теперь", ему уже никуда не уйти от этой своей задачи. Она везде с ним; во всяком случае до тех пор, пока он верит в своего Бога, чей зов определил его личность.

Есть у этой протестантской веры в *религиозный смысл светской* профессии, какую бы ни отвел Бог человеку, как его *долю* (судьбу), глубокий мистический корень — незыблемый догмат о *предвечной* предопределенности людей: одних — к вечной гибели, других — к спасению. "Считать себя избранными, — излагает С.Булгаков веберовское толкование учения о предопределении, — за отсутствием возможности доказать противное должны все, и самое сомнение в этом следует отгонять, как дьявольское наваждение; проверять же состояние избранности можно, только следя за своим поведением, неусыпным самоконтролем, постоянным "щупанием себе пульса"; методическая дисциплина жизни, выражающаяся прежде всего в неустанном профессиональном труде, есть первый практический вывод из учения кальвинизма" [2, I, 193]. Идея профессионально определенно-го и методически упорядоченного труда предстает, таким образом, в *совсем не случайной сопряженности* и кальвинистским учением о предопределении: она органически встраивалась в него, обретая в нем свое глубинно-мистическое оправдание.

В протестантском понимании профессии как призвания, как высшего предназначения человека, выражающего трансцендентный смысл его имманентного, земного, существования, проявляется своеобразная *двойственность* протестантизма. С одной стороны, он отправляется от принципиального уничтожения противопоставления церковного и светского или мирского, причем мирские занятия, гражданские профессии, деятельность в доме, в предприятии в должности рассматриваются как исполнение религиозных обязанностей, сфера которых расширяется, таким образом, на всякую мир-

скую деятельность" /2, I, 191/. Но, с другой стороны, одновременно с этим он (протестантизм – Ю.Д.) провозглашает автономию мирской жизни и стремится изъять из-под влияния церкви, т.е. папской иерократии, эту жизнь. В этом выражается протестантское обмирщение христианства, сопровождающееся, однако, религиозным этицированием мирской жизни" /2, I, 191/. В этом "однако" вся суть: обмирщение монашеской аскезы происходит на путях христианизации всей жизни протестанта. "Секуляризация" христианской аскетики немногих становится христианизацией светского образа жизни основной массы верующих. Чего здесь больше – "секуляризации" или христианизации? Что происходит – христианизация под видом "секуляризации" или секуляризация под видом христианизации?

Не обходит С.Булгаков своим вниманием и негативные аспекты этого учения, парадоксальным образом "претворявшего" свой фаталистический пафос в активистскую патетику идеи "призванности" (то есть высшего предназначения) человека, удостоверяемой в его профессиональном труде. Платой за такое парадоксальное "претворение" фатализма в активизм было *гипертрофирование* индивидуалистического начала, вряд ли так уж импонировавшее самому Веберу и вызывавшее тем большую настоятельность у православного мыслителя Булгакова. "В настроении людей, воспитывающихся на этом учении, – пишет он, имея в виду кальвинистскую версию идеи предопределения, практическое приложение его догматов "должно было отразиться, прежде всего (далее цитируется Вебер – Ю.Д.), "чувством неслыханного внутреннего уединения отдельного индивидуума" (...), выработать чуждый всяких иллюзий пессимистически окрашенный индивидуализм: каждый в себе и за себя, люди разделены друг от друга как бы стеклянной, прозрачной, но непроницаемой перегородкой, актом предвечного предизбрания" /2, I, 192/.

В числе признаков успешности профессиональной деятельности радикально-аскетически ориентированного протестанта, свидетельствующих о богоугодности его труда и укрепляющих его веру в свою предвечную избранность к спасению, С.Булгаков, излагая "Протестантскую этику", особо выделяет его *доходность*. В этой внутренней сопряженности между мистическим актом предвечного "избрания" человека для будущего спасения, с одной стороны, и доходностью его профессионально организованного и методически осуществляемого "дела" – с другой, он усматривает – "исто-

рически устанавливающуюся" – связь между капитализмом и кальвинизмом. Дело в том, что "существенным свойством "духа" капитализма" является обязанность "идеального капиталиста"¹⁷ не только сохранять, но и приумножать свое имущество "путем производительных затрат" /2, I, 190/. Это – *моральный долг* капиталиста по отношению к своему *имуществу*, которое его отдаленный предтеча – истово верующий кальвинист – считал врученным ему для приумножения (к вящей славе божией) самим Богом.

"...Высшее благо для капиталистической этики, – резюмирует С.Булгаков веберовский ход мысли, – состоит в увеличении богатства, рассматриваемого как самоцель. Свообразная идея капиталистической этики о профессиональном долге перед имуществом и устанавливает этот особый капиталистический дух, без которого был бы невозможен современный капитализм, как он был, например, психологически (а не только экономически) невозможен в глубине средневековья. Его происхождение связано поэтому не только с рядом объективных экономических и отчасти технических перемен, но и с новым направлением творческой инициативы, личной энергии" /2, I, 190/. И хотя "идеального капиталиста", обладающего "аскетическими чертами" характера, необходимого для удовлетворения требований такой "капиталистической этики", сегодня, в условиях "нового капитализма" едва ли встретишь, – не будь в реальной истории его действительного прототипа, капитализм вряд ли вообще состоялся бы.

Так выглядят в булгаковском изложении основные идеи веберовской "Протестантской этики", выделенные автором статьи "Народное хозяйство и религиозная личность". Изложив таким – "комментирующим" – образом общие предпосылки и результаты исследования Вебера¹⁸, С.Булгаков выражает сожаление по поводу того, что "подобного рода исследования почти совершенно отсутствуют относительно русской хозяйственной жизни, в частности, истории русской промышленности" /2, I, 197–198/. Причину такого неблагоприятия он усматривает в господстве "экономизма", который, по его убеждению, одинаково свойственен "и нашему народничеству, и неомарксизму" и в обоих случаях "не располагал к изучению духовных факторов экономического развития" /2, I, 198/.

Между тем исследования, проведенные в русле веберовской постановки вопроса на нашем отечественном материале, который в изобилии нашелся бы "в семейных архивах, в исторических и статистических данных",

позволил бы, по убеждению С.Булгакова, раскрыть "религиозно-психологические основы психологии русской промышленности" /2, I, 198/. В этом контексте он обращает внимание на известный факт "близкой связи" "русского капитализма со старообрядчеством", из которого вышли "представители целого ряда крупнейших русских фирм" /2, I, 198/. Следуя за Вебером, его русский комментатор особо подчеркивает, что в ходе изучения подобного рода взаимосвязей "связь религиозного сознания и экономической деятельности должна быть приурочена не только к определенной догматике, но еще более к практическим выводам религии и особенно к требовательности ее в данный исторический момент" /2, I, 197/. Согласно С.Булгакову, "здесь важен способ проникновения ее (религии – Ю.Д.) в жизнь, непосредственного ее влияния, так сказать, градус религиозно-аскетического.

С его точки зрения, было бы "особенно интересно" вычленив и проанализировать "экономические тенденции православия", хотя в своем отношении к миру оно и отличается "коренным образом" как от пуританизма, так и вообще от протестантизма /2, I, 198/. Православие располагает "могучими средствами" воспитания личности, пробуждения и "выработки" у нее "чувства личной ответственности и долга", так необходимых "для экономической деятельности, как и для всех остальных видов общественного служения" /2, I, 199/. Среди этих средств Булгаков выдвигает на первый план дисциплину "аскетического "слушания" и "хождения перед Богом" /2, I, 199/. Разумеется, он не может не видеть того, что "теперь влияние религиозной дисциплины православия в экономическом творчестве русского народа становится все менее ощутительным" и часто оказывается более слабым, чем влияние религиозного раскольничества ("диссидентства"). Но это для него – лишь одно из свидетельств упадка православия в данный исторический момент" /2, I, 199/. "Упадка", который, впрочем, С.Булгаков вовсе не склонен считать окончательным.

Кстати, этот "упадок" религиозного духа, пагубным образом сказывающийся на экономическом развитии общества, русский комментатор Вебера вовсе не считает лишь специфически русским явлением. Он склонен согласиться с Шульце-Гевеверцем, на работу которого уже ссылался, в том, что "господство утилитаризма и упадок личности угрожает подорвать хозяйственное развитие стран Европы – "как этого начинают опасаться уже относительно Англии" /2, I, 200/. Опасение, которое кажется С.Булгакову еще более обоснованным "относи-

тельно Франции с ее хозяйственным застоём" /2, I, 200–201/. Однако острее всего углубленное осознание того, что "народное хозяйство требует духовного здоровья", что развитие производительных сил ("выражение, столь часто повторяемое марксистами") – это "своеобразная религиозно-этическая задача", "вид общественного служения" /2, I, 201/, необходимо именно России. Ибо она – единственная страна в мире, где едва ли не вся интеллигенция исповедует "атеистическую религию", причем как раз в тот момент, когда хозяйственное развитие общества нуждается в диаметрально противоположном: в укреплении религиозного (православного) фундамента трудовой этики, разлагаемого интеллигентским атеизмом.

Как видим, проблема, поставленная автором "Протестантской этики" как чисто историческая, относящаяся к делам "давно минувших дней", воспринимается С.Булгаковым как абсолютно злободневная – "загадка сфинкса", от решения которой зависят ближайшие судьбы России, только что пережившей "спазм" первой русской революции. В Вебере он видит союзника по борьбе с "крайним бентамизмом" в воззрениях на экономическую жизнь ("в особенности на ход промышленности"), который, по его словам, "в той или иной форме (чаще всего марксистской разновидности)" господствует над умами российской интеллигенции, уверовавшей в "фикцию "экономического человека", принятую ею "без анализа и критики" /2, I, 201/. Этот "крайний бентамизм", вместе с порожденной им "фикцией", мешает правильному осознанию российской интеллигенцией важнейших и насущнейших задач, стоящих перед страной и народом, а тем самым и своей собственной задачи. Отсюда – особая напряженность, какая чувствуется в булгаковском изложении идей и выводов "Протестантской этики", которые, казалось бы, касались "сюжетов", достаточно далеких от "злости дня".

Воспринятые на фоне "проклятых проблем" российской действительности, которые, как оказалось, так и не смогла разрешить революция, чьи "созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных" /I, 28/, веберовские идеи и выводы приобрели дополнительный смысл, привносящий, подчас, в их содержание нечто новое, во всяком случае, не предусмотренное самим автором "Протестантской этики".

Ибо то, что, как засвидетельствовали статьи Вебера о 1-й русской революции, представлялось ему "делом прошлого" не только для Запада, но и для самой России¹⁹, российский комментатор "Протестантской этики" считал делом настоящего и

будущего. Причем, совсем не для одной лишь России, но и для Запада, т.е. — именно там, где, согласно булгаковскому изложению вывода Вебера, "теперь хозяйственный космос не нуждается в подпорках" /2, I, 197/ нравственно-религиозного порядка. Не нуждается потому, что он, этот "космос", людей заставляет подчиняться его требованиям "принудительно, даже и без особых оправданий" /2, I, 197/, превратив вчерашнюю *пуританскую добродетель* в сегодняшнюю *техническую нужду*.

"...Бентамизм в смысле педагогическом, — пишет С.Булгаков в явном противоречии с этим Веберовским выводом, поначалу воспроизведенным им, как мы могли заметить, безо всякой критики (и даже какого бы то ни было дистанцирования), — если влияние его на рабочие массы становится глубоким, в чисто хозяйственном отношении оказывается началом разлагающим и вредоносным, поскольку он влияет на отношения личностей к своим обязанностям, поскольку он разрушает ту этическую самодисциплину, которая лежит в основе всякого профессионального труда, ибо одного сознания интересов недостаточно для самодисциплины личности.

Между тем требования хозяйственной жизни по отношению к личности, прежде всего как "фактору производства", силою вещей все повышаются. Социальный прогресс нашего времени неразрывно связан с ростом личности, а следовательно, повышением личной ответственности и самодисциплины. То, что в политической экономии обозначается как переход от экономики низкой заработной платы к экономике высокой заработной платы, то есть повышение производительности и интенсивности труда,

экономически оправдывающее повышение заработной платы, неразрывно связано с самодисциплиной представителей труда. Но эта дисциплина неосуществима на почве лишь голых интересов: она предполагает признание высших этических и, в конечном счете, религиозных ценностей, нравственных обязанностей в сфере профессионального труда" /2, I, 202–203/.

Отсюда — задачи русской науки, российской интеллигенции и всей отечественной общественности, формулируя которые С.Булгаков как бы "операционализирует" идеи и выводы "Протестантской этики" применительно к ситуации современной ему России:

1. "Нам нужно освободиться от многих идейных фантомов, в том числе и от "экономического человека", поняв, "насколько сложно психологически происхождение "экономического человека", который принимается в политической экономии за нечто простое, элементарное, неразложимое" /2, I, 204/.

2. "Нужно понять, что и хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального" /2, I, 204/.

3. "...Преследуя цель экономического оздоровления России", не следует забывать и о духовных его предпосылках, именно о выработке и соответствующей хозяйственной психологии, которая может явиться лишь делом общественного самовоспитания" /2, I, 205/.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Причем делалось это примерно в те же годы, когда Вебер писал свои статьи об этой революции.

² То, что нам известно пока об этом, явно не исчерпывает тему веберовско-булгаковских контактов.

³ Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. I–II. Москва, 1911.

⁴ Опубликованная в "Вехах", эта статья также была перепечатана в "Двух градах".

⁵ Булгаков С. Философия хозяйства. Ч. I. Мир как хозяйство. М., Путь, 1912.

⁶ Булгаков С. Православие и хозяйственная жизнь. Православие. YMCA-PRESS, 1964.

⁷ Учтивывая тот факт, что он достаточно внимательно следил за зарубежной литературой, в том числе и за публикациями в "Архиве социальной науки и социальной политики", где появились веберовские статьи — как о хозяйственной этике протестантизма, так и о русской революции 1905/6 гг., эту "лакуну" можно назвать и парадоксальной.

⁸ Успех революции — высший закон — постулат, на котором сходились не только эсеры и социал-демократы, но те и другие с кадетами.

⁹ В этом заключалось его решающее отличие от сознания подавляющего большинства западных интеллектуалов.

¹⁰ "Извращение личности, ложность самого идеала для ее развития есть, — согласно С.Булгакову, — коренная причина, из которой проистекают слабости и недостатки нашей интеллигенции, ее историческая несостоятельность. Интеллигенции нужно выправляться не извне, а изнутри... (I, 51–52). Нужна "выработка личности" (I, 52); выработка "устойчивой, дисциплинированной, работоспособной личности, держащейся на своих ногах, а не на волне общественной истерики, которая затем сменяется упадком" (I, 55).

¹¹ Этот доклад, прочитанный в Московском религиозно-философском обществе 8 марта 1909 г., был напечатан сначала в "Московском еженедельнике" (№№23–24 за 1909 год), а затем перепечатан в сборнике статей С.Булгакова.

12 Он представлял теперь в качестве "классового" или "сословного", словом - группового "человека".

13 В их числе С.Булгаков называет не только марксистскую, но и лассалевскую и даже оуэновскую его версию.

14 Наряду со своим многолетними размышлениями насчет обоснованности марксистской "модели" человека.

15 Ср. большую статью С.Булгакова по поводу выхода в свет русского перевода этой книги (4).

16 Хозяйство толкуется при этом как "овладение космосом".

17 Вебер говорит в этом случае об "идеальном типе" капиталиста, отличая его от "эмпирически найденного среднего типа".

18 А также сославшись на примыкающую к нему работу Шульце-Геверница "Британский империализм и английская свобода торговли" (Britisher Imperialismus und englischer Freihandel. Lpz., 1906.) написанную "под впечатлением этих исследований" (2, 1, 188).

19 Ибо она уже перескочила, как казалось Веберу, период, когда "хозяйственный космос" (С.Булгаков) еще нуждался в этических подпорках и капитализм был делом свободной инициативы религиозно ориентированной личности.

В.РУДИНСКИЙ

Воспоминания журналиста

С.П.МЕЛЬГУНОВ

Гуль обещал познакомить меня с Мельгуновым; но в неопределенном будущем. А к Гулю я в то время заходил в среднем каждую неделю. Раз, однако, случайно пропустил. И когда потом у него появился, он меня принял с несколько смущенным видом и объяснил, примерно, следующее:

– Я говорил о вас с Мельгуновым, и тот было назначил вам приехать к нему домой на завтрашний день. Но так как я вас не видел, то и отправил ему письмо, что мол встреча отменяется.

Ни у Гуля, ни у Мельгунова телефона не было. Обсудив положение, Роман Борисович посоветовал мне поехать теперь же: на следующий день меня бы все равно не ждали, и хозяин мог бы оказаться занятым; а сейчас представлялось вероятным, что он дома и свободен.

Во избежание того, что память меня подведет, позволю себе процитировать себя самого, из позднейшей статьи, написанной после смерти Мельгунова и опубликованной в журнале "Возрождение" №55 за 1956 год.

Мельгунов жил тогда в предместье Парижа, Шампиньи, в районе, именовавшемся Сите Жарден.

"Дело было летом. Автобус пронес меня через просторный, шумящий зеленой листвой Венсенский лес, и я вышел на маленькой загородной улочке, окруженной новыми большими, однообразными домами. На лестнице я отыскал нужный номер и позвонил. Дверь распахнулась, и худощавый мужчина с опущенными вниз усами, с густой темной шевелюрой и живым лицом немного южного типа, вопросительно посмотрел на меня.

Ни тогда, ни позже, я бы никогда не

назвал Сергея Петровича стариком, хотя ему, и при этой первой встрече было уже больше шестидесяти лет: в нем была та живость и непосредственность, какие обычны в молодые годы, но какие лишь немногие сохраняют всю жизнь.

Даже когда он бывал болен или утомлен, в нем всегда ярко чувствовалась его натура борца, побеждавшая любую физическую слабость.

Помню, я смущенно пробормотал свое имя и сослался на общего знакомого.

– Да, но вы должны были приехать не сегодня, а завтра, – сказал Мельгунов, делая шаг назад.

Мне показалось, что он захлопнет дверь, и я растерянно попятился к лестнице.

Добродушная, немного лукавая улыбка скользнула под усами моего собеседника.

– Заходите все-таки, раз уж вы приехали, – сказал он, – поговорим несколько минут.

И эти несколько минут растянулись самое меньшее на четыре часа; собственно говоря, мне кажется, на шесть; но точно не помню.

Сергей Петрович и его супруга угощали меня чаем с чудесным вареньем, вкус которого я помню до сих пор, и мы обсуждали все политические вопросы с тем жаром, с каким их обсуждали всегда русские интеллигенты, забывая о времени.

Оказалось, что самое главное все же у нас с Сергеем Петровичем было общее: любовь к свободе и ненависть к большевизму, – остальное отходило на второй план".

Нарочно оставляю все, как написал тогда, не исправляя даже шероховатости слога. Выпишу, пожалуй, и еще два-три параграфа.

"С каким увлечением я включился в работу, которую вел Мельгунов: издание, – единственного в тот момент, – русского антибольшевистского журнала во Франции!.. "Свободного Голоса", которому приходилось, впрочем, с каждым выпуском менять название: не было разрешения на издание периодического журнала.

Нас было тогда, может быть, с десяток новых эмигрантов, группировавшихся вокруг Мельгунова; и для всех нас, хотя политически мы и не во всем с ним были согласны, его авторитет был огромен. Мы чувствовали сердцем его благородство и порядочность, его искреннюю любовь к людям.

Грустно сказать, что большинство из нашей группы разошлись потом с Сергеем Петровичем, и я – один из первых. Но это не было ни в какой мере результатом разочарования в нем или обиды на него: нет, он честно следовал той политической линии, в которую верил. Для нас же она представлялась слишком узкой. Но уважение к нему, – думаю, и любовь, – каждый из тех, кто с ним раз близко познакомился, сохранил навеки".

Мельгунова я не только любил и уважал: я им восхищался. Это был человек абсолютно бесстрашный и непоколебимый в защите своих убеждений; хотя и очень терпимый к чужим.

А бояться очень даже было чего: во Франции стояло полное засилие коммунистов, большевики делали в ней буквально все, что хотели; и им всем Мельгунов и его журнал приходились чрезвычайно некстати, застревали у них как кость в горле.

Помню разговор с Гулем и его женой о том, что Сергей Петрович поступает очень неосторожно, работая по вечерам у себя в садике на глухой, пустынной улице. Даже выстрел из револьвера не привлек бы там внимания (его бы, скорее всего, приняли за выхлоп автомобильного газа). Да, как уточнила Ольга Андреевна, супруга Гуля, советскому агенту или фанатику ни к чему бы и стрелять: довольно бы было жертву тукнуть, как она выразилась, лопатой по голове, и скрыться.

Такого, по счастью, не произошло. Мельгунов ко мне относился тоже с симпатией (что не всем в его окружении нравилось), добродушно называя меня анархистом за слишком порою горячие и смелые действия.

О социализме мы с ним, кажется, никогда не спорили. Впрочем, его народный социализм несомненно являлся наиболее умеренной и гуманной формой социали-

стической доктрины в целом.

Вот от чего я не сумел воздержаться, были слова ему (и даже не раз) о том, что их поколение подготовило нашему поистине страшную судьбу. Он, конечно, отвечал, что они не того хотели. Увы! Недостаток предвидения у русской интеллигенции сыграл в участи нашей родины самую трагическую роль...

Врезался мне тоже в память такой эпизод: он дал мне свою книжку "Красный террор в России" и спросил потом о ней мое мнение. Я ответил, что книжка-то хорошая, но назвать ее надо "Первые шаги красного террора в России". Понятно, что уж тут-то автор не мог предугадать будущее...

Причины, по которым я в конце концов с Мельгуновым и его кругом разошелся, сводились к следующему. По мере того, как пробольшевистский дурман и во Франции, и в Америке рассеивался, с его журналом стали устанавливать связи социалисты всяких иных, чем у него, мастей, Далин, Вишняк, сотрудники меньшевистского "Социалистического Вестника" в США. Он тому искренне радовался. Я и мои товарищи – нет. Потому что и "Свободный Голос" отходил постепенно от направления, отражавшего взгляды всех русских антикоммунистов, и превращался в печатный орган левого, социалистического сектора.

А тут начал издаваться, Е.А.Ефимовским, печатавшийся... – на пишущей машинке! – журнал "Русский Путь", куда я и перешел. Последним благодетельным жестом по отношению ко мне со стороны Сергея Петровича было то, что, став на время редактором "Возрождения" (они менялись не по дням, а по часам, и ни один не мог удержаться долго!), он поместил там один мой рассказ. Характерно, однако, что он попросил меня взять псевдоним: имя *Рудинский* сделалось уже известным в качестве *монархического* журналиста.

Тем более было грустно, что мои пути с ним разошлись, что Сергею Петровичу пришлось вскоре испытать большие трудности. Неожиданно для русской эмиграции, американцы приняли политику, представлявшую собою прямое продолжение линии Розенберга и национал-социалистов в целом: они решили делать ставку на расчленение России и опираться на сепаратистов.

Эта программа была неприемлема для Мельгунова, как и для всей первой эмиграции (впрочем, как выяснилось потом, и второй тоже), от крайне левых до крайне правых, что проявилось, несколько лет спустя, когда в Париж приехал и выступил с докладом (если не ошибаюсь, в зале Ласказ) Керенский.

Некоторые крайне правые группы хотели устроить ему скандал, забросав его помидорами или еще чем-то там. Я этому не сочувствовал никак, считая подобные методы нецелесообразными.

Но вот, из их намерения ничего не вышло: Керенский страстно защищал идею неделимой России. Так что обструкцию ему попытались сделать сепаратисты, но их выкрики с мест вызвали явное неодобрение большинства, и постепенно заглохли. Правые же, при таком положении дел, от скандала, естественно, отказались.

"Свободный Голос" к тому времени дав-

но прекратился, и Мельгунов в последние годы жизни как бы отступил на второй план.

В моей памяти образ Сергея Петровича живет как яркий образец того лучшего, что могла дать дореволюционная левая интеллигенция, как воплощение ее наиболее благородных черт. Не могу не жалеть, задним числом, что мне пришлось от него отойти. С другой стороны, — как могло быть иначе?..

На его смерть я откликнулся некрологом в "Возрождении", отрывки из которого и процитировал сейчас выше.

В.ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Университет. III курс

(Окончание. См. №№ 49-52, 55-57, 59, 61-64)

На третьем курсе мы были окончательно разделены на три направления наших занятий: чистую математику, астрономию и математическую механику. Изменился и состав наших групп по практическим занятиям, Юля ушла на астрономию. Галя осталась на второй год на втором курсе. Бедная Галя, она совсем не была приспособлена к математике, увлекалась поэзией и литературой, но оставалась на математическом факультете из твердого решения изучать только идеологически нейтральный предмет.

Мне как-то не приходилось ни в чьих воспоминаниях читать об этом обосновании выбора предмета изучения, а, между тем, оно было весьма распространено. В детстве у меня была подруга, о которой я еще не упоминала. Одно время рядом с нами, в той же квартире жил врач, вдовец, жена его умерла при родах, со своей дочерью, моей тезкой, которая была на два года младше меня. Они жили в этой квартире недолго, нашли другую, но пока они оставались во Пскове, мы продолжали дружить, несмотря на разницу лет. Отец Верочки не мог полнорезко оправиться от шока смерти своей жены. Они очень любили друг друга, и смерть ее во Пскове, где они тогда жили, была, как казалось, такой нелепой. Сами роды прошли благополучно, но в больнице персонал положил ее как жену коллеги в отдельную комнату, где раньше лежал больной какой-то заразной болезнью, а комнату забыли продезинфицировать. Она заразилась и, будучи еще слабой после родов, умерла. Вдовец не мог тогда оставаться в том городе, где это случилось, и уехал с новорожденной дочерью в Архангельск. Потом он решил все же вернуться в

Псков, но долго не выдержал и снова уехал в Архангельск. Между Верочкой и мной сохранилась переписка, исключительно по моему упорству. Мне было тогда 11 лет, ей 9, в этом возрасте два года еще играют довольно большую роль, и она нередко забрасывала переписку, но я писала снова и снова, и, в конце концов, она отвечала. Мне тогда, пожалуй, больше хотелось доказать, что я способна на постоянство, чем сохранить непременно эту дружбу. Но когда она стала старше, наша переписка вошла в привычку у нас обеих и больше не прерывалась. Когда Верочка была в 10 классе школы, она написала мне, что приедет по окончании учиться в Ленинград и добавила: "Меня, собственно говоря, интересует литература, но я решила изучать физику. Не знаю, поймешь ли ты меня". Я думала, как ей ответить. Мы ведь опасались, что письма вскрывают, и не решались писать откровенно. Подумав, я написала ей: "Я думаю, что я тебя понимаю. Быть литературным критиком интересно, если имешь недюжинный талант, например, как Белинский или Добролюбов (я указала сознательно на официально признававшихся критиков прошлого времени). Повторять же чужие мнения скучно". В ответ она мне написала: "Ты, оказывается, прекрасно меня поняла".

При встрече в Ленинграде Верочка рассказывала мне об антисоветских настроениях в их школе, превосходивших наши. Она в комсомоле не была и говорила, что у них в классе было не много комсомольцев, а кто шел, не скрывал, что делает это ради карьеры.

Но хранившаяся долгие годы разлуки дружба не получила подтверждения и раз-

вития после личной встречи. Размолвки никакой не было, но росток ее завял как-то сам собой. Причиной была, вероятно, моя апатия, мое нежелание жить, не зная, в чем же смысл этой жизни. Тогда я серьезно думала о самоубийстве. Но к своему собственному удивлению обнаружила, что и для самоубийства нужна какая-то энергия. У меня же ее не было совсем.

В нашей новой университетской группе было только три студентки: Катя Т., я и незнакомая мне до тех пор Галя Н., которой было уже 32 года, нам же едва исполнилось по 19 лет. Сели мы на III курсе университета по-школьному все три за один стол.

На этой Гале можно было ясно видеть разницу поколений. Наше поколение, как я его могла наблюдать вокруг себя, не было внутренне сломлено. Те из нас, которые относились отрицательно к советской власти и к идеологии, поскольку мы вообще ею занимались, боялись репрессий, но внутренне мы не были побеждены. Мы подчинялись власти так, как подчиняются сильному внешнему завоевателю, не имея возможности его победить фактически, но будучи внутренне от него независимыми. Ни у кого из нас не было чувства, что мы чем-либо обязаны советской власти. Никого из нас не соблазняла идеология. Правда, мы мало ею и занимались. У нас не было желания ее опровергнуть, она была нам просто чужда, как, скажем, русским было чуждо мусульманство татар во время татарского ига. За все свое пребывание в университете я не помню ни одной дискуссии по вопросам марксизма. Я же для себя самой к тому времени пришла к выводу, что марксизм совершенно неправильно трактует человека и его натуру, а это была основа. Если основа ложна, то ложно и все здание. На этом я поставила точку. Конечно, этого было далеко недостаточно, но у меня не было ни малейшего желания тогда глубже заниматься идеологией.

Интеллигенты же несколько более старшего поколения были зачастую сломлены внутренне. Они ненавидели советскую власть, им было все в ней чуждо, но они нередко видели в происшедшем не только внешнюю, но и внутреннюю победу коммунистов над остальной частью России. Они не только внешне подчинились этой власти, они и внутренне перед ней преклонялись. Это был часто тот тип мягкотелой русской интеллигенции, которая не была в состоянии даже внутренне противостоять самоуверенному напору "безошибочного учения". Наш тип, даже если мы были врагами коммунизма, был ей чужд. Мы были для них то-

же слишком уверены в себе, они же продолжали сомневаться и в своем отрицании. Галя относилась к этому типу старшего поколения. Я была уверена, что она не может быть на стороне советской власти. И как-то раз я зашла к ней (она жила отдельно в маленькой комнате), чтобы у нее прочесть какую-то статью Ленина, которую мы должны были знать для занятий по марксизму-ленинизму, но которой в библиотеке мне не удалось получить. Прочтя, я попробовала закинуть удочку и сказала: "Вот прочтешь, все гладко, и также гладко соскальзывает, ничего не остается". Она безумно испугалась и зашептала скороговоркой: "Ты права, конечно, но будь осторожней! Будь особенно осторожна с Катей!" Про себя я усмехнулась: если б она знала, что говорит мне Катя! Но я промолчала. Я увидела, что она боится панически, что она сломлена внутренне и, может быть, даже может донести сама и вперед из одного только страха, что ее обнаружат. Я тогда уже знала, что трусливые люди — одни из самых опасных.

Можно отметить, что в это время была отменена шестидневка и снова введена неделя с воскресеньем как свободным днем.

Но это изменение нас мало тронуло. На нас вскоре обрушилось другое: не проучились мы и двух месяцев, как нас огорошили введением платы за учение и резким повышением требований для получения стипендии. Если раньше достаточно было сдавать экзамены на тройку, то теперь требовались лучшие отметки. Форма введения была очень жесткой, не щадились и студенты последних семестров. В нормальном государстве ввели бы плату для начинающих, а старшие курсы оставили бы доучиваться по прежней системе. Но коммунистическое государство нормальным никогда не было.

На общем факультетском собрании был резкий протест. Студенты стали требовать депутата Верховного совета от нашего района с тем, чтобы дать ему задание голосовать против, когда новый закон будет утверждаться в Верховном совете. Вряд ли это требование было наивным. Если и не все, то, во всяком случае, большинство понимало, что депутаты тогда были только пешками, голосовавшими, как им прикажут. Но у студентов это было криком отчаяния. Огромный зал волновался, стоял сильный шум. Парторг, тот же самый, который руководил неудавшейся дискуссией о коммунистической морали, оглядывался кругом как затравленный зверь. Он начал что-то шептать своим помощникам. По залу шепотом пронеслось: вызывает НКВД.

Тогда вскочил наш лектор по марксизму-ленинизму и крикнул в шумевший зал: "Товарищи, мне вас очень жаль, но мы ведь *ничего не можем сделать!*" И вдруг шум затих как по мановению жезла. Все поняли, что мы действительно ничего не можем сделать. Пыл как-то сразу остыл и сменился чувством безнадежности. Обошлось без НКВД.

В нашей группе наш преподаватель марксизма-ленинизма для практических занятий, тот самый тупой начетчик, который мне на первом курсе на мое желание познакомиться с философией Давида Юма ответил, что нечего забивать голову чепухой, решил провести с нами тоже беседу. Не помню, что он говорил. Мы молчали. Уже когда раздался звонок, Вадим встал, подошел к дзези, раскрыл ее и, обернувшись в дверях, заговорил подчеркнуто медленно как бы равнодушным тоном, за которым, однако, скрывалась боль. Вадим был самым способным математиком в группе, одним из самых способных на курсе, но у него и так совсем не было средств. Из дома ему не могли помогать, он носил всегда старую, затасканную одежду. Даже если б ему удалось сохранить стипендию, он бы не мог на нее жить, т.к. от платы не освобождались и стипендиаты, а на урезанную платой стипендию существовать уже совсем не было возможности. Вадим сказал: "Ну, хорошо, я понимаю, в других странах тоже платят за учение, но зачем такая наглая мотивировка: ввиду повышения материального уровня трудящихся?" Наш преподаватель начал: "Но в общем и целом материальное положение..." И вдруг мы все, не сговариваясь, еще за секунду до того не зная, что мы такотреагируем, грохнули хором: "Понизилось!" Растерявшийся педагог пробормотал: "Но по сравнению с царским временем..." Мы снова: "Понизилось!" Тогда он сказал такое, за что ему самому могло здорово влететь: "Это для заграничных". Вадим повернулся, чтобы выйти за дверь, и бросил: "Там не такие дураки, знают, что у нас творится". Мы все тогда так думали, и только много позже я узнала, что там были именно такие дураки.

Был ряд самоубийств, особенно среди старшекурсников. Многие должны были бросить университет и пойти работать. К их числу относилась Катя Т. Работу она нашла где-то в провинции, недалеко от Ленинграда, и уехала из города. Катя К., моя школьная подруга, удержалась.

Мне еще заз придется повторить, что я должна была бы стыдиться не использовать тех материальных возможностей, которые предоставлял мне мой отец. Но в моем

состоянии мне было не до таких самоупреков. На третьем курсе читались предметы, которые должны были бы меня заинтересовать, в области математики я скорее тянулась к абстрактным дисциплинам, а на третьем курсе как раз читали теорию групп, колец и полей, но и она захватила меня только на очень короткое время. Теорию множеств читал крупный ученый и блестящий лектор Смирнов, но и он не смог меня увлечь.

В то время я снова поселилась в семье на 2-й линии Васильевского острова, где жила на первом курсе, в том же углу, но только без столования. Мой отец нередко приезжал в Ленинград, и однажды я последний раз попробовала поговорить с ним о моих внутренних поисках, вернее, моей безнадежности в то время. Но он снова отмахнулся от этих вопросов, посоветовав мне усиленнее заниматься математикой. Совет был теоретически правильным, но практически он мне в том моем состоянии ничем помочь не мог.

Моя школьная подруга Катя меня понимала. Она мне как-то сказала: "Я никак не могу представить себе тебя связанной с математикой, я представляю себе тебя связанной с чем-то хорошим в истории". И та история, которая развивалась перед нашими глазами – совсем не хорошая – единственно еще могла привлечь мое внимание.

Перед поездкой Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. я следила за газетами, чтобы постараться понять, какие требования он будет ставить Гитлеру. Что он будет что-то требовать, было ясно. В то время газеты начали пространно оплакивать несчастную судьбу румынских крестьян под властью румынских бояр. "Ага, – подумала я, – значит Молотов будет требовать у Гитлера Румынию". Затем я прочла, что в Болгарии якобы с восторгом встречали нового советского посла и затем следовали длинные рассуждения о старой русско-болгарской дружбе. "Он будет требовать от Гитлера и Болгарию", – подумала я с тревогой.

Уже после Второй мировой войны, когда были открыты немецкие архивы, я узнала, что я не ошиблась. Только Молотов требовал еще и проливы, чего я тогда не заметила.

После возвращения Молотова не было сомнений, что Гитлер ему во всех требованиях отказал. О посещении сообщалось скупое, газеты сразу перестали печатать обширно содержание выступлений Гитлера, ограничиваясь лишь краткими резюме. Весь тон прессы явно изменился. В ноябре 1940 года впервые потянуло ветерком грядущей войны.

Вскоре после возвращения Молотова я как-то встезтила Юлю на Невском. Мы остановились поболтать около какого-то кинотеатра. Вдзуг Юля сказала: "Смотри, как раз скоро начнется дневной фильм, перед ним должны показать киножурнал о поездке Молотова. Пойдем, посмотрим живого Гитлера". Я согласилась. В киножурнале, действительно, показывали поездку Молотова, но "живого Гитлера" мы, собственно говоря, не увидели: его показали со спины, да еще в этот момент фильм затуманили, так что даже спину едва можно было различить. Выскользнув перед началом игрового фильма, который нас не интересовал, из здания, мы с Юлей переглянулись. "Чего они боятся? – спросила она. – Так ведь еще больше разжигается любопытство". Я уже упоминала, что, увидев во время войны Гитлера на экране, я снова спрашивала себя: чего они боятся? Лицо Гитлера совсем не вызывало симпатии.

К концу первого полугодия я написала своим родителям, что я не могу сосредоточиться на математике и не буду ею пока заниматься. Мои родители приняли это спокойно. Как обычно, причину они искали в моей болезненности, в моей молодости, в том, что я была перегружена. Конечно, я была одна из самых молодых на курсе, но вряд ли это играло какую-либо роль. Известно, что логическое мышление доступно как раз уже совсем молодым и именно в математических предметах скорее может появиться вундеркинд, чем, скажем, в области исторических исследований, где нужен жизненный опыт. Да и почему я могла в еще более молодом возрасте прекрасно справляться с математическими предметами, а тут вдруг потеряла эту способность? Что же касается до болезней, то после моего воспаления легких на первом курсе я как раз совсем не болела. Но объяснять всего этого своим родителям я даже не попробовала. Я уже знала из опыта, что тут они ставят какую-то странную стену непонимания между собой и моими отчаянными поисками смысла жизни.

Мой отец приехал в Ленинград и поговорил с ректором университета, который был его коллегой-математиком. И оказалось возможным то, что в строгих правилах университета, собственно говоря, запрещалось: мне дали как бы отпуск на полгода. Вероятно, были какие-нибудь врачебные справки, не помню. Мне было все совсем безразлично. В общем, мне разрешили на полгода прервать учение с тем, чтобы с осени повторить третий курс.

Дома меня ничем не беспокоили, считая, что я должна отдохнуть. Но отдыхать мне

было не от чего, я не была переутомлена. Я просто не знала, зачем еще нужно жить... И я не предполагала, что это состояние к осени может измениться. Каким образом? Но я молчала, т.к. разговоры ни к чему не могли привести. У моего отца были модные в годы его молодости философы, Ницше и Шопенгауэр, в немецком оригинале и в русском переводе. Ницше меня не увлек, но пессимистическая философия Шопенгауэра отвечала моим тогдашним настроениям, и я его много читала.

О положении в стране я продолжала думать. По моим тогдашним прикидкам 90-95% крестьян были настроены против советской власти. Среди рабочих, думала я, соотношение 50 на 50. Хотя рабочим тоже жилось очень тяжело, многие из них еще поддавались пропаганде о рабоче-крестьянской власти. Так мне тогда представлялось. Молодая интеллигенция, студенты, были, по моим тогдашним представлениям, на 80% против советской власти. В этом пункте я, видимо, ошиблась. Я исходила из наблюдений особо оппозиционного ленинградского университета. За два с половиной года я только раз столкнулась с приверженкой Сталина. Это была очень активная, но не в политическом смысле, а в наших акциях одарения любимых профессоров, в остальном же приветливая, но пустая девушка. Не помню, дотянула ли она до третьего курса, но еще на первом курсе мы как-то сидели рядом на лекции и заговорили о том, что Гоголь так и не смог написать ту часть "Мертвых душ", где он хотел вывести положительную личность. Я сказала: "Идеального человека невозможно себе представить". Она же возразила: "А Сталин?" Меня чуть не хватил удар: Сталин – идеальный человек!? Но, конечно, я прикусила язык и быстро возразила: "Я имею в виду выдуманную личность". Она милостиво согласилась со мной, что трудно представить себе абстрактного идеального человека. Но таких, повторяю, было у нас очень мало. Однако потом мне пришлось убедиться, что в провинции и, вероятно, в Москве, было больше приверженцев власти, а тем более – приверженцев марксистского учения среди студентов.

Советскую же бюрократию, в том числе и беспартийных, я зачисляла процентов на 70 в сторонники советской власти и, вероятно, была права.

Под Псковом был построен военный городок, большое количество казарм, окруженных колючей проволокой. Пройти туда можно было только с пропуском. Но для слухов пропуска не нужно. И оттуда текли слухи о предстоящей войне. Говорили, что

СССР нападет на Германию, "когда будет снят украинский урожай", т.е. в течение августа.

В начале апреля 1941г. я видела странный сон. К нам в квартиру позвонили, мы открыли дверь и увидели стоявших Сталина и Молотова. Они пришли к нам в гости. Мой отец не мог скрыть своего отвращения к Сталину, сел в сторону с хмурым лицом. Сталин это заметил и тоже сел в другой угол нахмурившись. Мама страшно испугалась и побежала на кухню приготовить какое-нибудь угощение. Я тоже немного испугалась, что отец так ясно выказывает свое настроение и, воспользовавшись тем, что Молотов делал вид, как будто ничего не происходит и любезно разговаривал, заговорила с ним. О чем мы говорили, я не помню, но вдруг он сказал ясно и резко: "Скоро будет война". Я: "С кем?" Он: "С Германией". Я: "А как же наш пакт о ненападении?" Вдруг лицо Молотова исказилось злобой, и он зашипел: "Что я должен выдавать вам все наши дипломатические секреты?" Я испуганно отшатнулась, забормотав: "Нет, нет..." и проснулась.

Из того же источника, военного городка, в Пскове стала скоро известна засекреченная речь Сталина перед выпускниками военной академии, преимущественно его знаменитые слова, что этим выпускникам предстоит развеять легенду о непобедимости германского оружия. Яснее быть не могло. Не надо было и сна.

И тем не менее ум человеческий не хочет примириться с такой неизбежностью, как война. Просто нельзя, видимо, жить, включая в свое сознание скорое военное столкновение как составную часть обычной, привычно текущей жизни.

Весной 1941 г. Советский Союз неожиданно заключил с Югославией договор о взаимопомощи. А уже вскоре после заключения этого договора, в апреле, немцы напали на Югославию. Казалось бы, Советский Союз должен был поспешить на помощь, согласно только что заключенному договору, и война неизбежна. Но советское правительство никак не реагировало. Единственная "помощь", которую Советский Союз оказал отчаянно сопротивлявшейся Югославии, заключалась в том, что газеты начали югославские военные сводки печатать на первом месте. Все годы войны немецкие военные сводки печатались на первом месте, затем уж французские и английские, а после капитуляции Франции — только английские. А тут югославские вышли на первое место. Т.к. эта "газетная честь" Югославии ничем помочь не могла, страна была разбита, и газетный порядок восстано-

вился: германские военные сводки снова вышли на первое место. Все успокоилось.

И я не думала сознательно о войне, когда вдруг сказала своим родителям, что я поеду на 1-е мая в Ленинград. Казалось бы, мне было незачем туда ехать. В конце июня мне все равно надо было поехать, чтобы заявиться в деканате и еще раз подтвердить мое возвращение в университет осенью 1941 г. Так что сестру я могла увидеть в июне, как и племянника. Мою любимую школьную подругу Катю я, возможно, тогда бы уже не застала в Ленинграде, т.к. географы каждое лето уезжали на практику, но потом она бы приехала в Псков на остаток каникул или, самое позднее, я встретилась бы с ней в Ленинграде в начале сентября, в новом учебном году. Но какой-то внутренний императив толкнул меня неожиданно для меня самой на эту поездку к 1-му мая. Я не собиралась в Ленинград и вдруг, незадолго до 1 мая, решила ехать. Мои родители не возражали.

1 мая 1941 года было в Ленинграде холодным. Шел мокрый снег и таял на голых руках и ногах физкультурников, шагавших в майках в рядах принудительных демонстрантов. Снова пришлось мне много походить пешком, т.к. транспорта не было из-за демонстраций, но это было нудное хождение по мокрым улицам под серым небом.

Катя достала билеты в оперу для меня и для себя. Я уже не помню, какую оперу мы тогда слушали. Но когда я рассталась с Катей и шла по Невскому к нужному мне троллейбусу, у меня вдруг екнуло сердце: я увидела длинную колонну грузовиков, наполненных солдатами, ехавшую в сторону финской границы. Лица их в серой мгле мелкого дождика, в который перешел мокрый снег, были хмурыми и сосредоточенными. Совсем как в финскую войну. Это визуальное впечатление сильнее, чем сон и слухи о речи Сталина, дало мне понять, что война на носу.

Как с сестрой и ее семьей, так и с Катей я распрощалась до скорого свидания в конце июня. Но свидания этого не было. Как сестру и ее семью, так и Катю, я в эту майскую поездку видела последний раз в жизни. Видимо, поэтому мне и надо было ехать в Ленинград.

И тем не менее жизнь в Пскове снова вошла в свою колею, и я затолкнула сначала в подсознание все признаки приближавшейся войны.

14 июня в Прибалтийских республиках начались массовые аресты. Мы, конечно, ничего об этом не знали, хотя эшелоны с арестованными шли частично через Псков. Но Хильда, девушка из эстонской семьи,

жившей в Пскове, в семье, сохранившей эстонский язык, шла раз через рельсы в загородную часть Пскова, где уже многие держали коров, чтобы купить молока. В руках у нее был пустой бидон. Она не обратила внимания на товарный поезд, стоявший на запасном пути, шла мимо. Стояла жара. Лето 1941 года было необыкновенно жарким. После холодной весны наступила непривычная для наших северных широт жара. И вдруг Хильда услышала, идущий из товарного вагона стон и слова по-эстонски: "Пить, ради Бога, пить". Она бросилась обратно на вокзал к крану с водой, набрала в бидон воды, подошла к вагону и хотела подать бидон в подслеповатое окошечко вагона, как вдруг рядом с ней, как из-под земли, вырос НКВДешник и резко сказал: "Что вы делаете? Сами туда захотели?" У Хильды от испуга выпал бидон из рук. Драгоценная вода разлилась...

Как-то при встрече она мне это тихонько рассказала.

И вдруг в псковских магазинах появилось масло. И какое! Прекрасное сливочное масло лежало горами на прилавках. Я зашла в магазин и для проверки попросила отвесить мне килограмм. Продащица сейчас же отрезала от горы масла кусок, взвесила и подала мне. Остолбенело я взяла килограмм масла. Можно было купить и несколько килограммов... Что же произошло? На этот раз не военные, а железнодорожники объяснили: неожиданно были остановлены транспорты продовольствия, шедшие в Германию. При тогдашней слабой технике хранения и при такой жаре долго держать масло не имело смысла, и его "выбросили" в магазины Пскова. Отчего вдруг затормозили продовольственные транспорты в Германию? Не было ли это дополнительным признаком того, что война совсем близко? Но и тут мы как-то отмахнулись от надвигавшегося.

Приближалось снова время ехать в Ленинград в конце июня, чтобы явиться в деканат университета. Поездку мы назначили на воскресенье, 22 июня, чтобы мне в понедельник сразу же утром пойти в деканат.

22-го июня, ровно в 4 часа,
Киев бомбили,

Нам объявили,

Что началась война.

Нет, в 4 часа утра, да и значительно позже, нам еще ничего не объявили. Утром этого рокового воскресенья радио передавало все время воинственные песни. Много раз повторялось "Если завтра война..." А война уже шла.

Поезд, которым я хотела ехать в Ленинград, отходил в 2 часа. Мама решила поэтому накормить нас ранним обедом; обычно мы обедали в 2 часа, но ввиду моего отъезда это было бы уже поздно. В то время как мама возилась на кухне с моими любимыми котлетами, я складывала небольшой чемоданчик. Много брать с собой не надо было, я не собиралась долго оставаться в Ленинграде, может быть, неделю. Мой отец поливал цветы – это была его обязанность, – вообще занимался какими-то мелкими обычными делами. Радио почему-то оставалось включенным, хотя назойливые военные песни действовали на нервы. Почему мы не поняли, что означали эти песни? Но ведь в СССР часто паниковали и подготавливали население к возможной войне. Или подсознание сопротивлялось полному пониманию смысла этой музыкальной военщины до последнего момента?

Так или иначе, радио осталось включенным, когда мы еще до 12-ти сели за стол для раннего обеда. Обычно мы радио на время обеда во всяком случае выключали. Ровно в 12 часов было объявлено о выступлении Молотова. Своим деревянным, безэмоциональным голосом, не выказавшим ни малейшего волнения даже в этой ситуации, – не случайно этот дубовый человек дожил до 96 лет, – Молотов объявил нам о "коварном нападении Германии на Советский Союз", сказал, что были бомбардированы Киев и другие города. У меня застряла в горле котлета.

Без всяких пререканий было сразу же решено, что я в Ленинград не еду. В такой момент семье не следовало разлучаться, а в том, что советская армия не окажет серьезного сопротивления, мы все были уверены. Я снова разложила вещи из чемодана.

На этом я заканчиваю воспоминания детства и ранней юности, кончившейся с началом войны.

Мы начинаем печатать книгу Романа Гуардини "Религиозные образы в творениях Достоевского", по нашему мнению, одну из самых глубоких книг о Достоевском. Мы надеемся, что читателю это будет интересно.

Редакция

Р.ГУАРДИНИ

РЕЛИГИЯ МИРА ДОСТОЕВСКОГО

Предисловие

В 7 главах этой книги мы хотим рассмотреть религиозное бытие и ту проблематику, с которыми мы сталкиваемся на страницах великих произведений Достоевского: романов "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы", "Подросток" и "Братья Карамазовы". Я хотел бы предпослать этим главам несколько слов.

Любой исследователь, который пытается вскрыть религиозное содержание творчества Достоевского, неизбежно приходит к выводу, что он должен иметь дело со всем миром писателя, запечатленным в его творчестве. Видимо, здесь нельзя найти ни одного сколько-нибудь значительного персонажа, ни одного эпизода, занимающего важное место в структуре повествования, который не играл бы существенной роли в религиозном отношении, будь то прямо или косвенно. В конечном итоге действия героев Достоевского определяются религиозными силами и мотивами, под влиянием которых и принимаются те или иные решения. Более того: весь мир Достоевского как "мир", т.е. совокупность определенных факторов и ценностей, вся атмосфера этого мира проистекает в сущности из религиозного начала...

Что означает попытка охватить этот мир, мне стало ясно летом 1930 года, когда все мои старания преодолеть сопротивление обширнейшего материала за 85 лекционных часов оказались тщетными. Мир 5-ти больших романов – да если еще исследователь обращается к тому же, пусть эпизодически, и к другим произведениям писателя – столь грандиозен, что в нем нетрудно утонуть. Куда ни глянешь – повсюду толпятся персонажи, вершатся судьбы, ткут свою ткань символы... И даже когда по прошествии какого-то срока замечаешь, что определенные мотивы в обрисовке персонажей, определенные формы, преимущественно избираемые писателем для воссоздания отношений и ситуаций, определенные идеи, преобладающие в трактовке мира и человеческого существования, повторяются вновь и вновь – эти структурные элементы предстают в лучшем случае как дорожные указатели, скупо разбросанные по огромному, густому и бесконечному лесу.

Поэтому мне хотелось бы охарактеризовать здесь путь и последовательность мо-

их поисков, чтобы таким образом можно было более четко распознать связь между отдельными главами этой книги.

Вначале надлежало исследовать представление Достоевского о человеке. При этом оказалось необходимым употреблять привычные психологические понятия – такие, как интеллект, интуиция, фантазия, воля, поступок, творческий акт, чувство, страсть, – в гораздо менее определенном смысле, чем обычно, ибо здесь эти проявления даны, очевидно, не в чистом виде, а в сочетании друг с другом, причем в такой мере, что можно успешнее продвинуться вперед, если исследовать не отдельные действия человека, а, так сказать, слои его совокупной сущности: скажем, телесную и абстрактную жизнь, его сердце и душу, жизнь во снах и символах, жизнь духа во всех его проявлениях.

Очень плодотворным оказался далее вопрос, как строится личность в персонажах Достоевского, особенно путем сравнения ее структуры с известной нам структурой западной личности; затем – вопрос о взаимоотношениях личностей между собою, а также о месте отдельного человека в структуре целого. Вызывает изумление, насколько обширны и сложны, насколько подвижны и в то же время эластичны эти личностные построения, дающие ключ к пониманию важнейших компонентов структуры того или иного романа, и более того проблем воссоздания и потенциального разрушения личности. К этому присовокупилась проблема соотношения различных сфер жизни и культуры. Анализ привел, в частности, к констатации того факта, что в мире Достоевского, по-видимому, вообще не представлены такие основополагающие, стабилизирующие, дающие опору в сфере повседневного существования элементы, как, скажем, труд. В результате этого зависимость людей от судьбы и потусторонних сил кажется особенно сильной.

Затем предстояло вычлениить те основные реалии, которые Достоевский положил в основу воссозданной им структуры бытия, – иными словами, поставить среди прочего такие вопросы: что означают в мире Достоевского природа, мироздание, земля, солнце, деревья и другие растения, животные? Что значит народ? Какова трактовка таких понятий, как мать и дитя, мальчик и

девочка? Какими глазами видит писатель взрослого и старика? Знакомо ли ему понятие зрелой личности, и как строит он эту личность? Какое содержание вкладывает он в различные формы несчастий и бедствий – в болезнь, нужду, алкоголизм, душевные страдания, социальное бесправие, глупость, безумие? Что представляет собой зло, т.е. грех, преступление, испорченность, низость и подлость, вплоть до его предельного, сатанинского воплощения? Нельзя было пренебречь и проблемой призрачного, хаотичного...

С этой плоскости взоры обратились далее к простейшим и вместе с тем могущественнейшим феноменам существования жизни, к существованию времени и вечности, и явлениям на грани бытия, смерти, переходящести, ничто и кризисные пунктиры существования, прочерчиваемые скукой, усталостью, отвращением, страхом, отчаянием, тупостью, потерянной...

Наконец, исследование обратилось к ценностям, признанным в мире Достоевского, и прежде всего к самым благородным из них: честь, благородство, искренность, невинность и свобода, любовь, смирение и радость души. К ним присовокупились затем такие высокие понятия, как свет, добро, красота, единение и тишина.

Все это венчал вопрос о собственно религиозном содержании романов Достоевского. Он привел к феноменологии религиозных актов и форм существования общей связи с Богом "взаимообращаемого бытия".

При этом выяснилось, что все перечисленные выше элементы насыщались религиозным содержанием в той мере, в какой по-вестование обретало глубину, причем в прямой зависимости от их близости к сфере элементарного. Поэтому такие реалии, как солнце, земля, дерево и животное, такие факторы бытия, как радость, болезнь, страдание, такие данности, как жизнь и существование и даже такие крайние их проявления, как смерть, переходящести и ничто, очень быстро становились насквозь религиозными.

Обилие персонажей, динамичность проблематики осаждали и затуманивали взор; так стала необходимой систематизирующая, связующая линия. Такой линией послужило для меня исследование отношения отдельных персонажей к земле и народу, с одной стороны, и к основным силам бытия – с другой.

Линия этого отношения начинается с людей, которые полностью и почти бессловесно растворяются в связях такого рода. Она ведет далее к персонажам, осознающим эту связь, – к тем, в сознании которых она расчленяется и приводит к конфликтам,

и наконец к тем, для которых она перевоплощается в "культуру", не теряя при этом, однако, своей сути. По этому принципу строятся первые четыре главы книги, посвященные вначале "народу" и его отдельным представителям, затем – обоим Соням, далее – "людям Божиим" и в конце концов – Алеше Карамазову.

Сюда же отнесены, однако, и такие персонажи, в которых эта основа оказывается под угрозой, разжижается, искажается, смещается, причем отдельные ее элементы доводятся до крайности, доктринерски заостряются. Уже в первой главе мы столкнемся с определенными преувеличениями и искажениями, доводящими понятия "народ" и "природа" до патологии и язычества. Пятая глава исследует аффект бунта против Бога и нравственного закона и в то же время – феномен демонического в той форме, в какой они выступают в образе Ивана Карамазова и в "Легенде о Великом Инквизиторе". В шестой главе предпринимается попытка определить на примере персонажей из "Бесов", как трактует Достоевский понятие безбожия – от агрессивного отрицания Бога в инженере Кириллове, склонном считать себя сверхчеловеком, до примитивного негативизма Николая Ставрогина, связанного с феноменом пустоты жизни. В образах этих обеих глав проступает многое из религиозной проблематики нынешнего времени, и я надеюсь, что сумел внести какой-то вклад в его просветление.

Вне этой общей линии остались два персонажа, место которых – не здесь, но которые все же имеют к ней отношение: Настасья Филипповна из "Идиота", – стоящая экзистенциально под знаком совершенства, и наряду с ней – князь Мышкин из того же романа, персонаж, основное назначение которого определяется его отношением к личности Христа. Им посвящена последняя глава.

Этот краткий обзор был необходим для того, чтобы попытка рассмотреть религиозный мир Достоевского в той сжатой форме, которая предопределена размерами этой книги, не показалась безответственной, и чтобы читатель убедился в том, что автор этих немногих глав руководствовался в своих размышлениях координатами, очерчивающими достаточно широкий круг проблем.

Что же касается метода исследования, то я стремился предоставить слово самому Достоевскому, сводя воедино как можно больше из речей и жестов его персонажей, из переплетений и последовательности событий в его романах. Поэтому в книге оказалось довольно большое количество цитат,

причем многие из них довольно пространны. Однако мне просто не оставалось ничего другого, ибо, как показывал мой скромный опыт, я не мог позволить себе рассчитывать на то, что читатель, руководствуясь одними ссылками на соответствующие страницы, возьмет в руки тома Достоевского и, сравнивая текст с анализом, включится в исследовательскую работу.

Если таким образом я держался как можно ближе к тексту и "добывал" из него все, что только мог, то в то же время я взял на себя смелость отказаться в своей книге от использования литературы о Достоевском, за исключением чисто информационных источников. Из многочисленных и отчасти несомненно значительных исследований творчества Достоевского я прочел совсем мало и постарался во всех случаях сохранить независимость суждений. Если же я черпал из них что-то, то не забывал ссылаться на них. Я ощущал достаточно непосредственный контакт с самими произведениями Достоевского, поэтому подобная самостоятельность казалась мне уместной. С другой стороны, я ни в коей мере не претендую на то, чтобы исчерпать своим анализом предмет исследования, а потому и не чувствую себя обязанным дать критическую оценку работам, посвященным творчеству Достоевского.

Глава первая НАРОД И ЕГО ПУТЬ К СВЯТОМУ

Народ

Понятие "народ" служит для Достоевского воплощением всего истинного, глубинного, основного. Народ — это первозданная сфера человеческого бытия, уходящая корнями в глубь истории, могучая, исполненная величия и достоинства. Вместе с тем народ — это и отдельный человек во всей его незащитности, несущий на своих плечах груз судьбы, отданный во власть ловкачей и пройдох, страдающий под гнетом сильных мира сего. Но именно поэтому народ — это и та форма человеческого, которая наиболее близка к вечным ценностям и окружена спасительной Божьей любовью. Слово "народ" звучит в устах Достоевского с тем же почтением и трепетом, с тем же состраданием и оптимизмом, что и у всех великих романтиков.

Народ стоит у истоков бытия. Он срощен в единое целое с землей — той землей, по которой он ходит, на которой трудится и благодаря которой живет. Он органически включен в общий контекст природы, в циклы света и роста. И он ощущает, быть

может и не умея выразить на словах вселенную и ее единство.

Несмотря на нищету и греховность народа, именно здесь обитает подлинный человек, обладающий, вопреки всей своей запущенности, здоровым ядром и служащий неотъемлемой частью сущностной структуры бытия, — в то время как образованный человек, "западник", который искусственным образом выбивается из этой общей связи, лишает себя таким образом опоры и здоровья.

Человек из народа — это элемент той системы кровообращения, того тока совместной жизни, который соединяет воедино семью, общину и человечество. Человек из народа живет всей совокупностью событий, слагающихся в его судьбу. У него нет возможности оградить себя от них, да он и не стремится к этому. Таким образом его жизнь заполнена основными реалиями бытия, повседневными заботами и простыми, но существенно важными радостями и горестями.

Народ — это прежде всего простой человек, живущий в ладу с самим собой. Он не склонен к анализу. Черпая жизненные соки из своих корней, он просто живет, не мудрствуя лукаво. Его мысли и чувства не абстрактны, а воплощаются в события и образы. Он не следует какой-либо доктрине, а действует, исходя из конкретной ситуации, из условий места и времени. Его инстинкты еще не спутаны; он еще не утратил ориентировки и способности к верным оценкам. Истоки его зоркости пока не замутнены; в его жизни сокрыт символ; он все еще ожидает, что прозрение раскроет ему смысл мира. Он мудр и обладает тем пророческим видением, которое сообщают ему незримые созидательные силы.

Так живет народ, и в нем отдельный человек в ненадломленной реальности бытия и тем самым он как бы отдан на откуп этому бытию. Он призван нести на себе весь груз существования и не задается вопросом, справедливо ли это. Как бы тяжела ни была жизнь, он воспринимает ее как данность; ему еще не известны ловушки, позволяющие избежать этой тяжести. Он просто подставляет ей плечи, и в этом — его величие.

Он относится к страждущим и обреченным. Быть может, ему и свойственна хитрость, но и она не выходит за рамки связанности. В народе живет много злого: наряду с детской веселостью и трогательнейшей добротой ему присущи эмоциональные взрывы, порождающие подчас бессмысленное буйство. Вероломство и непредсказуемая тяга к разрушению, звериная

ярость, безжалостная жестокость, беспробудное пьянство, тупость, развращенность – все это характерно для народа, и тем не менее при всем этом – более того, во всем этом – народ "добросердечен как дитя".

В сущности, народ для Достоевского, как и для всех романтиков, – мифическое существо. И хотя тот народ, который он имеет в виду, – это, очевидно, реально существующие люди, за ними вырисовывается, однако, другая сфера, уводящая в существование, в первозданность, и эти люди становятся "народом" только и именно благодаря тому, что в них проявляется эта другая сфера.

Этот народ близок к Богу.

Во вступительных замечаниях уже указывалось на то, что в мире Достоевского такие основные реалии бытия, как земля и солнце, животное и растение, материнство, жизнь ребенка, страдание и смерть, соотносятся с религиозным. Все они насыщены религиозным содержанием, они означают самих себя и ничто другое. Они служат проявлениями того, как сотворенное сближается и соприкасается с иной сферой, обретая связь с Богом...

Очевидно, народ в особой мере открыт к этой близости. Бог близок ему, ибо он открыто и непосредственно воспринимает главные факторы существования и живет ими в их первозданности, это и ведет к его рабской зависимости от них.

Сформулируем это точнее: согласно такому восприятию Бог не отделился от Своего творения. Религиозное мирозерцание Запада, как кажется, определяется тем постулатом, что Бог создал мир и поставил его в одиночество совершенного так определенно, что религиозное отношение к Нему определяется дистанцией между миром и Богом. Созданный тоже на расстоянии человек остается, как кажется один с конечным миром и может стремиться к Богу только через дистанцию, положенную между миром и Богом.

И даже предполагая существование Бога внутри мира, это воззрение – вопреки всем монистическим течениям – вероятно, трактуется это "бытие внутри" как новое приближение Бога из Его далека к творению, которое онтически обрело самостоятельность, как заполнение Им этого творения...

Что же касается мира Достоевского, то в основе его не лежит, как представляется, идея "совершенства на расстоянии". Насколько можно судить, ему вообще не свойственно сознание своей отдельности от Бога; напротив, этот мир вне всякого сомнения и с особой непосредственностью ощущает себя пребывающим в деснице

Божией. Кажется, что он – в постоянном становлении, что контуры его еще не очерчены, что волею Бога в нем происходит нечто таинственное и что человек, связанный с Богом верой, каким-то образом воспринимает это¹.

Так возникает некое поле действия Божественных сил, посреди которого и находится народ, который, все еще не изменив своему первозданному состоянию, просто живет одной жизнью с землей, ею кормится и от нее зависит. Он ощущает во всем Божие творение. Он чувствует тайну происходящего, его близость, его веяние. Он ощущает непроницаемость его загадки, но временами и живительный поток, вспыхивающее пламя и озарение смысла.

Все это, однако, очень далеко как от обожествления природы, так и от пантеизма. Человек Достоевского не преклоняется перед природой и не отождествляет мироздание с Богом. Но из среды непосредственного возникает решение, и оно делает жизнь христианской. Те проявления Божественного в природе, о которых шла речь выше, предопределены Спасением и призваны вызвать к жизни новое творение. Правда, Бог выступает из природы и в жизни, но это определено только через Христа, и именно через Христа Бог призывает человека приблизиться к Нему, выйдя за пределы простой связи с природой. Если же этого не происходит и человек остается в этих пределах, то перед нами предстает уже не творение Божие, а нечто языческое.

Свое мнение об этом Достоевский выразил тем же способом, к которому он обращался и при решении всех других важных проблем, а именно – диалектикой своих персонажей, пополняющих, но и критикующих друг друга. Многие образы романов служат, к примеру, воплощением тех народных установок, о которых говорилось выше; опасности же, которыми они чреватые, раскрывают другие персонажи, превращающие мир и народ Божий в нечто большое и злое. Напомним хотя бы о Шатове из "Бесов", этом фанатике народной идеи, для которого Бог становится неким атрибутом "человека из народа", или о Марии Лебядкиной, в чьем сознании Богоматерь и земля сплавляются в языческую "Магна матер", а солнце, символ Бога, источает непомерную печаль Дионисия.

Как же свершается тот "перелом", благодаря которому христианская действительность с присутствующим в ней Богом торжествует над ложной непосредственностью природных связей? Верю во Христа, народ знает, что Он – повсюду: в природе, в повседневности, во всем происходящем. Поу-

чая молодого крестьянина, старец Зосима говорит, что Христос есть и у животных и что птички Его славят. Что бы ни случилось – во всем верующий может распознать волю Божию, волю Христову. Таким образом, бытие сохраняет свою земную реальность, находясь в то же время под величием воли Божией и под покровом Божией заботы.

Функцию осуществления "перелома" берет на себя прежде всего и главным образом страдание. У Достоевского народ страдает невероятно. В сущности, вся его жизнь – сплошное страдание. Но он смиряется с ним, ибо видит в нем волю Божию. И хоть люди проявляют недовольство, а подчас и восстают против подобной судьбы, – это ничего не меняет в основном предназначении народа, благодаря которому чисто природный мир постоянно преобразуется в творение, говорящее христианским языком.

Поэтому "земля", "природа" и "народ" суть не природные, а высвобожденные Спасением реальности, глубинным образом связанные с тем, что ап. Павел именует "новой тварью" и что в его посланиях Ефессянам и Колоссянам сливается воедино с понятием церкви, "*Corpus Christi mysticum*".

Итак, сам образ жизни народа сообщает ему способность воспринимать без труда и слово Откровения. Старец Зосима говорит:² "Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут все, все поймет православное сердце!" (Б.К. 342)³.

Слово Священного Писания рождается из Откровения. И если для того носителя веры, о котором шла речь выше, все бытие есть не что иное как вечное творение и нескончаемая благая весть, исходящая от Бога Живого, то Слово попадает в родственный Ему мир и находит понимание, даже если ум не вполне охватывает Его. Именно народ, при всем своем невежестве, наиболее восприимчив к Слову Божию: "Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия". В этих словах о "жажде слова и всякого прекрасного восприятия" запечатлена та нерасторжимая связь, которая существует между тварным миром и Откровением и которой не уничтожил грех, хоть он и отяготил ее. "Прекрасное" напоминает нам о том, что "благодать" по-гречески – харис – означает

также "очарование" и "обаяние" и что христианское сознание считает конечным состоянием и назначением человечества и мира по завершении их пути просветление и торжество вечной красоты, предсказанные Апокалипсисом. Корни этого христианского мироощущения уходят в глубины онтологического бытия. Ему чуждо искусственное разъединение слова Откровения и бытия мира – чуждо в той мере, в какой это всегда было чуждо для Востока, считавшего плодами искупления "новую тварь" и "блаженное бессмертие".

Связи эти столь глубоки, что сам народ становится божественной тайной, в которую надлежит верить. Тот, кто теряет контакт с ним, теряет его и с самим живым Богом – мысль, которая может показаться сомнительной из-за элемента романтики, но которая обретает свое подлинное значение лишь из связи "народа Божьего" и "новой твари" в понимании Достоевского: "Кто не верит в Бога, тот и в народ Божий не поверит. Кто же уверовал в народ Божий, тот узрит и святыню его, хотя бы и сам не верил в нее до того вовсе". Тот, кому открывается тайна смиренного и исполненного веры существования народа, кто становится свидетелем мистерии творящего и искупительного Божия делания, тот получает доступ и к Самому Богу.

Выше было употреблено слово "романтика". Несомненно, Достоевский был одним из величайших романтиков. Однако его народ не был романтическим созданием в поверхностном смысле слова. Не говоря уж о том, что в его трактовке понятия "народ" присутствуют основные элементы общехристианского мировоззрения, – этот народ не только не идеализирован, но, напротив, изображен предельно реалистически (если, разумеется, не понимать под реализмом ту лишенную покровов, обнаженную действительность, которую сам Достоевский счел бы свидетельством духовной бедности и сердечной скудости писателя). Он видит свой народ во всей его грязи, во всех пороках, опустившимся и невежественным, видит его неразвитость, жадность, ужасающую склонность к алкоголизму... И все же это – "народ Божий".

Это существование как таковое не объявляется святым; в той мере, в какой Достоевский склонен к этому, он становится жертвой своего метафизического панславизма. Но двери, ведущие в святое, открыты всегда и всюду. Везде прослеживается та грань, по другую сторону которой находится Бог. В любую минуту может случиться, что совершенно опустившийся человек, сидящий за

очередным стаканом в трактире низкого пошиба, вдруг начинает говорить о Боге и о смысле жизни так проникновенно, что невольно заслушиваешься, ибо в словах его звучит истина... Это возможно только в том случае, если все существование – благодаря той позиции, о которой говорилось выше – ощущается как непосредственно связанное с Богом.

ВЕРУЮЩИЕ БАБЫ

Во всех произведениях Достоевского присутствует народ – безымянное или почти безымянное множество людей. Отовсюду направлены на нас их взгляды, везде мы ощущаем биение их сердец. На фоне этого множества выделяются отдельные лица, которые очерчены отдельно и тем не менее органически вплетены в общую ткань. Мы можем обнаружить их в любом из романов: то слугу, то крестьянина, то мещанина или солдата. Прохожие на улице выступают на миг из толпы, чтобы произнести несколько слов и снова скрыться в ней. Посетители трактиров, рабочие, рыночные торговцы, люди порядочные и опустившиеся, умные и глупые...

Именно такие фигуры, контуры которых ненадолго вырисовываются на безликом фоне, изображены, как нам кажется, с особой художественной силой в начале "Братьев Карамазовых" – там, где народ приходит к своему заступнику и наставнику, старцу Зосиме, в третьей главе первой книги, озаглавленной "Верующие бабы".

Вот к нему подводит кликушу, душевнобольную, которая временно кликуша беснуется, визжит или лает по-собачьи. Она – одна из многих. Достоевский пишет, что это "страшная женская болезнь, и, кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины, болезнь, происходящая от изнурительных работ, слишком вскоре после тяжелых, неправильных, безо всякой медицинской помощи родов; кроме того, от безысходного горя, от побоев и проч., чего иные женские натуры выносить по общему примеру все-таки не могут" /Б.К.54-55/.

"Безвыходное горе" – непосильный труд, бесправие и угнетение, отсутствие поддерживающей и просветляющей любви, а также какой-либо возможности защитить себя или найти путь на волю, как это может сделать культурная личность, обретающая свободу благодаря своей энергии и изобретательности. Человек полностью отдан во власть горя. Но устами созревшей и раскрепостившей себя личности, мудрость которой порождена любовью, глаголет Бог – и дарует утешение.

шение.

Во всем этом нет места каким-либо иллюзиям. Правда, больная успокаивается вблизи старца, мгла рассеивается, но как только она вернется в привычное окружение, все начнется сначала. С человеческой точки зрения, судьба ее безысходна. Но Божие присутствие несомненно... Здесь не идет речи ни о справедливости, ни о достоинстве человека. Он беззащитен перед лицом своей судьбы и не может высвободиться из ее оков – хотя бы путем осознания того, что такой судьбы он не заслужил. И даже если ничто не меняется, если посещение Божьего человека принесит лишь недолгое облегчение, – он ни секунду не сомневается в том, что Бог благ и добр. При всей безысходности своего горя он на протяжении всей жизни сохраняет связь с Богом, воля Которого остается для него непостижимой, но и непогрешимой.

Темный ужас лежит на всем. Но где-то в глубине есть утешение, питаемое обетованием, словно зерно будущего урожая.

Там присутствует еще и другая женщина, к которой обращается старец после кликуши:

"– А вот далекая! – указал он на одну еще вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загоревшую, а как бы всю почерневшую лицом. Она стояла на коленях и неподвижным взглядом смотрела на старца. Во взгляде ее было что-то как бы иступленное.

– Издалека, батюшка, издалека, отселева триста верст. Издалека, отец, издалека, – проговорила женщина нараспев, как-то покачивая плавно из стороны на сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она как бы причитывая. Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное: оно пробьется раз слезами и с той минуты уходит в причитывания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утешают лишь тем, что еще более растрavляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости питается. Причитания лишь потребность раздражать беспрерывно рану.

– По мещанству, надоть быть? – продолжал, любопытно в нее вглядываясь, старец.

– Городские мы, отец, городские, по крестьянству мы, а городские, в городе проживаем. Тебя повидать, отец, прибыла. Слышали о тебе, батюшка, слышали. Сыночка младенчика схоронила, пошла молить Бога. В трех монастырях побывала, да указали мне: "Зайди, Настасьюшка, и сюда", к

вам то есть, голубчик, к вам. Пришла, вчера у стояния была, а сегодня и к вам.

- О чем плачешь-то?

- Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отец, по сыночку. Последний сыночек оставался, четверо было у нас с Никитушкой, да не стоят у нас детушки, не стоят, желанный, не стоят. Трех первых схоронила я, не жалела я их очень-то, а этого последнего схоронила и забыть его не могу. Вот точно он тут предо мной стоит, не отходит. Душу мне иссушил. Посмотрю на его белышечко, на рубашончку аль на сапожки и взвою" /Б.К.55-56/.

Снова человек опутан здесь таким горем, высвободиться из которого ему не могут помочь ни разум, ни воля, ни уровень образования. И как удивительно вникает старец в его существование! Сначала он пытается утешить женщину тем, что младенец-де веселится теперь пред престолом Господним. Она и сама знает это, но не может заглушить неумолимого голоса чувства; утешение не помогает. Тут старец видит, что здесь перед ним нечто неприступное, к чему нельзя прикасаться: "Это древняя Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет, и таковой вам, матерям, предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь, только каждый раз, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночек твой есть единый от ангелов Божиих, оттуда на тебя смотрит и видит тебя, и на твои слезы радуется, и на них Господу Богу указывает. И надолго еще тебе сего великого материнского плача будет, но обратится он под конец тебе в тихую радость, и будут горькие слезы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего" /Б.К. 58/.

Ничто не изменилось, ибо не может измениться. Но эту неизменную реальность следует подвести к престолу Божию как нечто целое, чтобы она предала себя Ему целиком, до конца. Божественною волею все преобразуется, и сердце само осуществит эти перемены, испытает милость Божию и обретя Бога в любви. Преобразование тяжкого бытия силою любви, живущей в пробужденном Богом сердце, - вот дело верующего народа.

"- Ступай к мужу, мать, сего же дня ступай.

- Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобрал" /Б.К. 58/.

Затем - после старушонки, тревожащейся о своем сыне и уже готовой прибегнуть чуть ли не к колдовству, чтобы получить от

него весточку, - самая мрачная из всех фигур:

"А старец уже заметил в толпе два горящие, стремящиеся к нему взгляда изнуренной, на вид чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядела молча, глаза просили о чем-то, но она как бы боялась приблизиться.

- Ты с чем, родненькая?

- Разреши мою душу, родимый, - тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги.

- Согрешила, отец родной, греха моего боюсь.

Старец сел на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась к нему, не вставая с колена.

- Вдовею я, третий год, - начала она полупрошептом, сама как бы вздрагивая. - Тяжело было замужем-то, старый был он, больно избил меня. Лежал он больной; думаю я, гляжу на него: а коль выздоровеет, опять встанет, что тогда? И вошла ко мне тогда эта самая мысль...

- Постой, - сказал старец и приблизил ухо свое прямо к ее губам. Женщина стала продолжать тихим шепотом, так что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

- Третий год? - спросил старец.

- Третий год. Сперва не думала, а теперь хворать начала, тоска пристала" /Б.К. 59-60/.

Еще одно неизбежное горе. Ужас, человека, который в своем отчаянии становится виновным. Толикую мыслью, но в этой мысли тоска и уверенность в отверженности. Снова старец ясно видит положение вещей: было бы бессмысленно пытаться расшатать остов этого замкнутого существования, замурованного в неприступные стены судьбы. Любое рассуждение, любая попытка утешить, любой совет, продиктованный поисками выхода, отскочили бы от этих стен. Поэтому он, принимая это существование как данность, указывает на тот исходный пункт, с которого, если будет на то воля Божия, может начаться его преобразование. Речь идет о покаянии:

"Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудело в тебе - и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил Божью любовь? О покаянии лишь заботься не престанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помыш-

ляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любишь. А об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно. Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил, примиришься с ним воистину. Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается, все спасается. Уж коли я, такой же, как и ты, человек грешный, над тобой умилился и пожалел тебя, кольми паче Бог. Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь. Ступай и не бойся.

Он перекрестил ее три раза, снял с своей шеи и надел на нее образок" /Б.К.60/.

Бытие этого народа потрясает своим величием. А то, что это – действительно величие, а не приговоренная к немоте серость, проявляется в том, насколько властно и по каким путям ведут его за собой мудрость и сила любви – правда, исключительные у этого пастыря человеческих душ. Пути эти предполагают отсутствие иллюзий и в то же время – приятие самой суровой судьбы. Приятие действительное, без героической позы. Но тот, для кого святость означает безусловность существования в вере, увидит здесь ее становление.

Что же касается той естественности, с которой трудная повседневность поддается воздействию предельно глубоких и тонких религиозных идей, той прямоты, с которой эти люди постигают суть дела и вступают на указанный им путь, все это возможно исключительно благодаря охарактеризованной выше общей установке народа. Он живет в самой непосредственной связи с землей и с судьбой, но непосредственность ее нельзя понимать в природном или языческом смысле, – равно как и в идеалистической трактовке, согласно которой здесь представлена лишь предварительная стадия истинно человеческого существования, ибо для преобразования подсознательного и интуитивного в подлинную духовность необходимо была бы рефлексия. Такова схема, принятая на Западе; Достоевский же боролся именно против применения ее к своему народу, а тем самым – и за человека вообще. Он считал, что "перелом", ведущий от природности или языческой набожности к самой глубинной, духовной связи с Богом, совершается снова и снова – благодаря единению с Христом и восприятию бытия как проявления Божией воли.

Язычество

Выше уже упоминалось, что Достоевский

сам проверил свои представления о религиозной позиции народа. Он осуществил это с помощью двух персонажей того романа, который ярче всех других его произведений раскрывает коварство разрушительного начала. Я говорю о "Бесах".

Вот своеобразная фигура Марии Лебядкиной – "хромой" из тех набросков Достоевского, к которым мы получили доступ благодаря сравнительно недавним публикациям¹, та больная телом и душой женщина, с которой связывает свою судьбу Ставрогин, личность не менее патологическая, в расчете на то, что противоестественность этой связи взбудрит чувства, в которых ему отказано.

Образ Марии Лебядкиной невероятно психологичен. Эта душевнобольная нередко пребывает в состоянии полного сумбура; в иные же моменты речи ее полны глубокого смысла и даже звучат пророчески. Кажется, она не замечает ничего вокруг – и в то же время ее суждения о людях свидетельствуют подчас о недюжинной наблюдательности. Это жалкое существо не знает страха; опустившийся брат мучит ее, она же чувствует себя княгиней, которая выше страха.

Жизнь Лебядкиной также находится во власти тех главных сил, о которых мы говорили выше. Это прежде всего – глубокая связь с природой. Связь эта вполне религиозна; но того перелома, о котором шла речь, – ее возрождения, принятого из воли Божией, здесь, как кажется, не происходит.

В Марии Лебядкиной есть нечто напоминающее зачарованных персонажей народных сказок. Их веселость вызывает грусть и может мгновенно смениться глубокой тоской. Невольно вспоминаются люди, замороженные русалками или троями и потерявшие вследствие этого рассудок... Дух такого человека проникнут религиозным началом природно, как в древних сказаниях – язычески, мифически.

К Марии пришел Шатов; они разговаривают. Черпая подробности из своих фантазий, она рассказывает о том времени, которое она провела в монастыре:

"А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: "Богородица что есть, как мнишь?" – "Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого". "Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть: а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, та-

ково, говорит, есть пророчество". Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу. И вот я тебе скажу, Шатушка: ничего-то нет в этих слезах дурного; и хотя бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои от одной радости побегут. Сами слезы бегут, это верно. Уйду я, бывало, на берег к озеру: с одной стороны наш монастырь, а с другой – наша Острая гора, так и зовут ее горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицом к востоку, припаду к земле, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потом, обращусь назад, а солнце заходит, да такое большое, да пышное, да славное, – любишь ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо, да грустно. Повернусь я опять назад к востоку, а тень-то, от нашей горы далеко по озеру, как стрела, бежит, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самого на озере острова, и тот каменный остров совсем как есть пополам его перережет, и как перережет пополам, тут и солнце совсем зайдет, и все вдруг погаснет. Тут и я начну совсем тосковать, тут вдруг и память придет, боюсь сумраку, Шатушка" /Б. 16-117/.

Это звучит как старая баллада, полная чудес и волшебства... Но Бог здесь – уже не тот живой Бог, лик Которого проглядывает во всех вещах, во всех определениях, в каждой судьбе и на пути к Которому – Его именем, послушанием Его Слово – действительность, оставаясь собой, преобразуется и обретает святость. Земля здесь – не тот символ плодородной, первоизданной глубины и вместе с тем священной неприкосновенности Божественного распорядка, который присутствует, скажем, в словах Сони, угадавшей вину Раскольников: "...Глаза ее, доселе полные слез, вдруг за сверкали. – Встань! /Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении./ Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда Бог опять тебе жизни пошлет" /Пр. 438/. Здесь – нечто совсем другое: зияющая пропасть неискупленной природы и тоска, утягивающая в бездну.

Однако, та творческая интуиция Достоевского, благодаря которой существенное раскрывается как бы само собой, уже одним выбором места и направления, избирает для этой женщины Шатова в качестве единственного партнера, понимающего ее и

пользующегося ее симпатией. В нем живет то же, что и в Марии Лебядкиной, но здесь оно именуется не "природой", а "народом".

Роман рисует демоническое начало, представленное в оторвавшемся от Бога человеке, в лишенной корней цивилизации. Но он показывает и другую крайность, другого демона – обожествление природы и поклонение народу как идолу. Именно Ставрогин, не способный ни к вере, ни вообще к самоотдаче, пробуждает в полупсихопате Шатове веру в божественность народа.

Шатов подводит итоги:

"Ни один народ... еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желанья дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила беспрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит Писание, "реки воды живой", иссякновением которых так угрожает Апокалипсис. Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное, как отождествляют они же. "Искание Бога" – как называю я всего проще. Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его Бог".

И дальше: "Низвожу Бога до атрибута народности? Напротив, народ возношу до Бога. Да и было ли когда-нибудь иначе? Народ – это тело Божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим Богом победит

и изгонит из мира всех остальных богов. Так веровали все с начала веков, все великие народы по крайней мере, все скольконибудь отмеченные, все стоявшие во главе человечества. Против факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дожидаться Бога истинного, и оставили миру Бога истинного. Греки боготворили природу и завещали миру свою религию, то есть философию и искусство. Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжение всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского Бога, и если сбросила наконец в бездну своего римского Бога и ударились в атеизм, который называется у них покамест социализмом, то единственно потому лишь, что атеизм все-таки здоровее римского католичества. Если великий народ не верует, что в нем одна истина /именно одна и именно исключительно/, если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя

бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-«богосносец» – это русский народ" /Б. 200/.

Невероятный ход мыслей – но до чего же современный!..

Здесь представлен уже не тот народ, о котором шла речь выше. Скорее здесь раскрывается та возможность демонического, которая таилась в органичной связи с народом. Религиозная же сила, именуемая здесь "Богом", – уже не Тот, о Котором также говорилось выше, не Живой Бог, Создатель и Господь, не Христос-Искупитель, дающий силы для преодоления человеком греховности, а нечто такое, что ведет к абсолютизации народа и – при соответствующих предпосылках – государства.

Тем сильнее впечатление от того, что мы читаем на следующей странице:

– Извольте... – сурово посмотрел на него Николай Всеволодович, – я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в испугании Шатов.

– А в Бога? В Бога?

– Я... я буду веровать в Бога.

Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина. Шатов пламенно, с вызовом смотрел на него, точно сжечь хотел его своим взглядом" /Б. 201/.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См. 3-ю главу.

²Цитирую по полному собранию сочинений Достоевского, изданному в Мюнхене (R.Piper & Co): "Братья Карамазовы" (Б.К.) – по изданию 1921 года, "Бесы" (Б.) – по изданию 1922 года, "Преступление и наказание" (Пр.) и "Подросток" (П.) по изданию 1922 года, "Идиот" (Ид.) – по изданию 1920 года. Купюры в цитируемом тексте обозначены многоточием. Там, где многоточие принадлежит самому Достоевскому, я ввел две точки.

³Указанные Р.Гуардини номера страниц цитируемых произведений Достоевского заменены ссылками на соответствующие страницы русских изданий. При этом "Братья Карамазовы" цитируются по двухтомнику издательства "Художественная литература" (Л., 1970), "Преступление и наказание" – по десяти томному собранию сочинений Достоевского, выпущенному Государственным издательством художественной литературы (М., 1957), "Идиот", "Бесы" и "Подросток" – по полному собранию сочинений в 30-ти томах, изданному в Ленинграде ("Наука", соответственно 73–75-й гг.). – Прим. перев.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ВЕРА В БОГА И МОРАЛЬ

На взаимоотношения религии и морали можно смотреть по-разному. Практически существуют две точки зрения. Одна из них утверждает и отстаивает принцип полной независимости развития нравственности и морали человечества от религии. И хотя это полностью противоречит всей истории человечества, тем не менее, эта точка зрения утверждает, что всякая попытка связать нравственность с религией является совершенно искусственной и необоснованной. Указанная точка зрения утверждает, что религия в течение столетий узурпирует свои права на мораль и в реальной действительности последняя развивается и изменяется по особым законам, связанным с общим строем и развитием человеческого общества. Корни морали лежат в общественном развитии, а не в религии. Связь между религией и моралью совершенно искусственна и не соответствует действительному положению вещей. Нормы нравственности, согласно этой теории, устанавливаются людьми в соответствии с условиями развития общества. На каждом этапе развития общества устанавливается, что именно социально полезно и что вредно для общества, и, в зависимости от этого, определяется, что морально и что неморально. При этом устраняется и отмечается из этой концепции понятие греха как нарушения Божьего закона, а понятие Бога в свою очередь выводится из жизни общества, как "ненаучное и ненужное".

Короче говоря, согласно данной теории, в основу морали кладутся чисто практические, утилитарные принципы полезности или вредности тех или иных поступков для человеческого общества. При этом полезность или вредность тех или иных поступков определяется произвольно, по личным соображениям лиц, занятых этим делом. Таким образом, такие поступки, как ложь, воровство, такие состояния, как злоба, ненависть, пренебрежение и т.п., нехороши и неморальны не в силу своей негативной сущности, а просто потому, что они вредны на данном этапе общественного развития. Если в дальнейшем окажется, что они могут оказаться полезными для развития общества, имеется несомненный смысл утвердить их как нормы поведения. В виде примера можно напомнить, что в Советском Союзе в свое время была разработана коммунистическая мораль, исходным моментом которой была оценка всех поступков и поведения людей с точки зрения полезности их для дела построения социализма.

Все, что полезно, - морально и оправданно, то, что бесполезно, - неморально и неоправданно.

Куда может завести подобного рода постановка вопроса - трудно даже предположить. В западном, тоже достаточно секуляризованном мире также имеется тенденция к созданию автономной морали, как бы "освобожденной" от религиозных "пут".

Из всего сказанного становится ясным, что подобного рода теории утверждают относительность морали и нравственности, их материалистичность, утилитарность и полную оторванность от религии. Суммарная сущность подобного рода теорий заключается в том, что нравственные устои человека складываются в процессе социальной практики, они являются продуктом общественно-экономических отношений, сочетаемых с соответствующим идеологическим комплексом. Меняются системы этих отношений, меняются и нравственные воззрения людей, их нравы, нравственные принципы, нормы поведения, представления о добре, зле и т.д. Но интересно одно: осуществление такого рода принципов на практике показало, что даже при самых крутых поворотах в области нравственности и морали, в сознании людей при любых условиях остаются некоторые неизменяемые стереотипы моральных норм, не поддающиеся изменению или уничтожению.

В противоположность всему сказанному выше, существуют иные взгляды и совершенно иные принципы нравственности. Если в первом случае речь шла об относительности всякого рода нравственных и моральных ценностей, то в данном случае речь идет о чем-то совершенно другом. Речь идет об абсолютных нравственных и моральных ценностях. Не отрицая того, что нравственные основы жизни человеческого общества иногда изменяются в какой-то своей незначительной части, эта теория считает, что в основе нравственности и морали людей лежит твердый, неизменяемый и незыблемый фонд основных нравственных ценностей, которые всегда и всюду оцениваются как некое положительное явление. Так, например, независимо от принципа "общественной пользы", за малым исключением, на всех этапах развития культурного человечества, уже давно вышедшего из стадии дикости, везде и всюду такие явления, как, например, убийство, воровство, ложь, жестокость, злоба, предательство, - оценивались неизменно отрицательно. И

всегда и всюду такие категории, как добро, честность, идейность, уважение к человеку, правдивость, добропорядочность, – рассматривались как некие положительные моральные ценности. Таким образом, принципу безусловной относительности моральных ценностей мы противопоставляем абсолютные моральные или нравственные ценности, не изменяющиеся в процессе развития человеческого общества.

В основе этой второй теории лежит утверждение того, что в мире господствует Высшая Сила Добра и Правды, которая иначе называется Бог. В своей неизменной связи с Богом, осуществляемой религией, человек всегда стремится духовно возрасти, воспринять и претворить в жизни те светлые стороны бытия, пути к которым дает нам религия. Религия неизменно учит нас идти по этому пути и предлагает нам комплекс нравственных ценностей, претворяя в жизнь которые, мы сможем достичь тех результатов, к которым стремимся, идя по пути, указанному нам нашей верой. Религия утверждает не относительные, т.е. изменяющиеся нравственные ценности, а абсолютные, являющиеся неизменными в своей сущности, независимо от эпохи, которую мы переживаем. Другими словами, нравственное добро, которому учит нас религия, является неизменной, абсолютной духовной субстанцией. И если отдельные детали этого комплекса нравственных ценностей могут в какой-то степени изменяться в смысле понимания их человечеством, то сущность их остается неизменной во все века истории человечества. В этом заключается сущность концепции абсолютных нравственных ценностей. Практика исторического развития человечества подтверждает ее несомненную правильность.

Таким образом, религиозное обоснование нравственности строится на постоянном фундаменте, который как бы укрепляет, цементирует все здание человеческой морали и осмысливает ее. Эта фундаментальная устойчивость религиозной морали, отмеченная во всей истории человечества, определяется не только тем, что под нравственность подведен неизменный духовный фундамент, своими корнями уходящий в мир Высшего Бытия, но и тем, что она включает в себя золотой фонд нравственных ценностей, всегда и неизменно ведущих людей по пути духовного совершенства. Путь духовного совершенствования человечества как бы заложен в нормах нравственности, предлагаемых многими религиями и, в частности, христианством, дающим совершенную систему нравственных ценностей. Выполнение или хотя бы стремление к выполнению

принципов нравственности и морали неизбежно и даже отчасти независимо от воли человека ведет его в совершенно определенном направлении и изменяет его в лучшую сторону.

Изменение человека в лучшую и совершенно определенную сторону происходит в силу того, что нравственные нормы, данные нам религией, базируются, как уже говорилось выше, на твердой и неизменяемой основе. Например, с точки зрения религии, злоба, ненависть к другим людям является абсолютным злом, так как они при любых условиях возбуждают темные инстинкты человека, ведут к росту их, затемняют и оттесняют на второй план другие положительные, светлые стороны его духовной сущности, заглушают их, ведут в целом к духовной деградации человечества. Поэтому, с этой точки зрения, злоба и ненависть являются отрицательными, антиморальными факторами в духовном облике человека, независимо от того, какими мотивами они обусловлены, ибо причины и мотивы возникновения этих чувств не меняют их отрицательного значения и влияния на духовный облик человека. Поэтому, например, оправдывать ненависть и жестокость "революционным пафосом" борьбы, с религиозной точки зрения, – вещь совершенно безнадежная, так как и при таком подходе к проблеме ничего, кроме духовного вреда, подобные чувства не приносят. Одновременно следует отметить, что всякого рода попытки отделить нравственность и мораль, построенную на базе религиозного подхода к ним, от религии и сохранить их, одновременно отбросив их религиозную основу, обречены на полный провал. Религиозное обоснование вечных принципов нравственности и морали осмысливает всю систему нравственных ценностей. Но дело здесь не только в религиозном отвлеченном обосновании нравственных ценностей. Религия устанавливает связь человека с Богом. И в этом плане религиозное обоснование нравственности рассматривается как своего рода духовная проекция нисходящего Свыше откровения, дающего людям ориентиры их поведения для всех времен и поколений, с конкретизацией их в отношении специфических особенностей тех или иных народов или племен. И духовным измерителем правильности поведения людей является совесть, неизменно говорящая людям оценку их поведения. Совесть – это категория, не поддающаяся логическому анализу, но неизбежно и безотказно срабатывающая в отношении людей, не заглушивших ее голос. Впрочем, говорит она всегда, но на известных пределах нравственного падения ее голос перестает

быть слышимым. Совесть – это голос Божий, сигнал другого мира, призывающий нас сохранить образ и подобие Божие.

Все эти особенности религиозной нравственности и морали чужды морали безрелигиозной, построенной на принципе т.н. общественной полезности. При этом кто собственно определяет эту “полезность” – остается совсем неясным. Определение это строится, как указывалось уже выше, на принципе относительности моральных принципов. С этой точки зрения, например, человеческая злоба, направленная на искоренение каких-либо отрицательных явлений в жизни общества, должна рассматриваться как явление положительное, морально оправдываемое. В данном случае рассматриваются и оцениваются лишь внешние результаты использования человеческой злобы для тех или иных чисто земных, материалистических целей и забывается или игнори-

руется то разрушительное действие, которое оказывает злоба на внутреннее духовное состояние человека – носителя злобы.

Именно это чисто внутреннее влияние проявления злобы на человека – носителя ее и учитывается религией, когда она говорит об абсолютном вреде и недопустимости злобы, независимо от того, для чего она используется.

Из всего сказанного ясно видно, насколько фундаментальнее и глубже религиозное обоснование нравственности по сравнению с материалистическим, насколько оно тоньше в своей оценке тех или иных движений человеческой души, насколько оно абсолютнее всяких других критериев оценки человеческой нравственности, построенных на чисто материалистических принципах утилитарной полезности или вредности тех или иных явлений человеческой души.

Б.СОСНОВСКИЙ

СЕМИНАР ПО БИБЛЕЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ЗОНЕ

Посыльный штаба забежал по лагерю.

– К отрядному! К отрядному! – везде слышался его настырный голосок, в бараках, в курилках, в библиотеке, по всей зоне.

Все поняли: началась обработка. Мы собрались у крыльца штаба. Мы – это группа политэзков, почему-то заброшенная в лагерь номер 7/1 Дубравлага, где “содержались” одни “религиозники”. Что же это удумало начальство? Вызывали по одному...

...Вот вышел от начальника зэк-философ, бывший фронтовик, стрелок на ИЛ-2, уничтоживший 25 фашистских захватчиков, как это было записано в его красноармейской книжке, по его словам. Сразу накинулись на него: что и как?

– Да ничего особенного. Обыкновенная вещь. Хотят стравить нас с верующими. Предлагают вести среди них антирелигиозную пропаганду. Я сразу сказал, что это неэтично. Короче: отказался... – сказал философ да и пошел в барак.

...Из штаба вышел Тэдди, “вьюноша” с площади Маяковского. На ходу он бросал:

– ...он мне: давай... я ему: кончай, начальник... он опять мне... пришлось его матюгнуть... выгнал, обещался посадить... иду махру в ватник зашивать, иначе в шизо не покуришь...

...Недалеке от штаба прогуливались сдесаток аборигенов зоны и наблюдали за “сатанинским действием”...

...Вызвали меня. Зашел в кабинет, стою. За столом сидел подполковник Савельев. Я уже знал его историю. Его понизили в должности за финансовые махинации, а ведь еще совсем недавно он был начальником штрафного лагеря. Погорел он на кирпиче.

Как-то подогнали в его зону вагоны с кирпичом. Нужно было срочно разгрузить, но воры не упустили своего шанса. Пахан зоны предъявил начальнику ультиматум: или давай 50 пачек чая, и вмиг разгрузим, или будем разгружать целую неделю. В интересах производства, болея всей душой за план, Савельев приказал выдать ворам 50 пачек чая, а воры расписались, не глядя, в платежных ведомостях. Деньги, естественно, были присвоены лагерной администрацией. На том и погорел подполковник...

Сидит начальник и пишет... Я успел разглядеть его: пожилой, лысый, одутловатое лицо человека, пьющего постоянно, но в меру, после работы. Выражение лица... оно было каким-то... на его лице нельзя было заметить ни трагической складки, ни комической морщинки, там не было ничего непохожего, это был образцовый тип “нового советского человека”.

...Вот он поднял на меня свои бесцветные глаза и ровным голосом начал спрашивать меня об имени, отчестве, статье, сроке... Я отвечал. Он сверялся по бумагам. Еще написал, что-то полистал...

- Вы кто по специальности?... Ага, значит, про звезды знаете. А у нас тут такая тьма, такое невежество, и некому, понимаете, чтобы научно... Надо нам сообща взяться... Лекции, стенгазета, боевые листки...

- Ненаучно это... - ответил я, уцепившись за его же слова.

- Да сколько угодно... есть же соответствующая литература, инструкции, рекомендации...

- Я в другом смыслею Ненаучно вести такую работу друзьям по несчастью да еще за колючей проволокой.

Снова поднял подполковник на меня свои пустые глаза и в них не отразилось ничего, только на миг мелькнула досада. Снова наклонился он, снова принялся писать... Я понял, что в данном положении - сидя на лейтенантской должности - подполковнику все до лампочки, он отбывал здесь свой срок... Пишет и пишет, приговаривая время от времени: "Не научно, значит, так-так..."

Мне надоело ждать.

- Я могу идти?

- Да, теперь можете идти.

С большим облегчением вышел я из полутемного кабинета в солнечный день. Меня окружили...

- Ничего серьезного. Предлагают церковников просвещать. Я отказался, сказал, что это ненаучно.

- А начальник что?

- А он - ничего, он смурной какой-то, только писал очень долго.

- Вот это-то и плохо, что писал. Значит, начальникек наш из писунов. Опасный тип. Хуже некуда. Пишет-то он в дело! Понимать надо! Вот и будешь теперь этот хвост возить с собой по всем "командировкам"...

Я только пожал плечами, что ж теперь...

...В штаб зашел наш очередной, которого за сугубо и всегда положительный вид, в особенности за "квадратно-гнездовую" физиономию прозвали "партией и правительством". Долго он не выходил. Люди ждали. Наконец, "партия и правительство" появился на крыльце. Только он поднял голову, как в него впилась десятка пытливых глаз. И опустил он глаза свои. Медленно сошел с крыльца. Тяжелая челюсть дуче выдвинулась вперед. Сутулясь, пошел он не в нашу сторону.

Все было ясно... Мне вдруг стало противно и бесприютно. Померкло солнце, промозглым ветром подуло. Обворованный, униженный, стоял я и смотрел, не отрываясь, вслед "партии и правительству"...

- Не переживай так, - это тронул меня за плечо мой бригадир Карл Мессмер, немец из Одесской области, - я видел знак зверя

на нем. Не переживай так. Он принял ЕГО еще на воле...

...Добрел до барака, лег на койку, лежу... Здесь живут только верующие: Свидетели Бога Иеговы, баптисты и немцы-лютеране. Меня поселили сюда несколько дней тому назад. Видимо, с определенной целью. Жители барака отнеслись ко мне настороженно. Обычно, когда я заходил в барак, разговоры стихали... После ужина в бараке появился Мессмер, бригадир. Он громко говорил, ни к кому не обращаясь:

- Молодцы, ребята! Почти никто не пошел к ним на службу. Могла бы рознь произойти. Сказать правду, опасались мы. А которые "согласились", мы их теперь знаем. Скажу прямо, молодцы, ребята! Пусть все знают!

Я лежал на койке гордый, щеки мои горели, сердце бешено стучало. Я не выдержал, я соскочил с койки и под уважительными взглядами вышел из барака. Я летел вприпрыжку по лагерному бродвею и громко высвистывал "Марсельезу".

Дня через три после вызовов к начальнику около штаба, в витрине под стеклом появилась лагерная стенгазета, сварганенная "согласившимися". С утра на нее не обратили внимания, некогда было, на работу шли. В обед ее заметили, а после ужина около витрины собралось человек десять. Они рассматривали газету. Называлась она "За научное мировоззрение" и кругом была исписана изречениями классиков марксизма-ленинизма типа: Религия - это опиум народа... это род духовной сивухи... это акт самоопустошения человека... Бороться с религиозными предрассудками надо путем пропаганды, путем просвещения...

Передовицу никто читать не счел нужным. Внимание привлекла статья, написанная "согласившимся" эзком А.Биленко, под названием "Религия и вера в бога - дикие пережитки прошлого". Все с интересом читали, читал и я: ведь это же писал не начальник, а эзк... Начиналась статья так:

Вера в бога есть линия наименьшего сопротивления слабого помраченного ума, дефективного разума, надломленной воли...

Чувствовалось, автор хорошо познакомился с "соответствующей литературой и инструкциями", разработанными политорганами Дубравлага.

Историческая часть выглядела так:

...Написанные и переписанные библии, евангелия, кораны, веды, упанишады и многие подобные плоды красивой фантазии, иногда дикого суеверия (Ветхий завет, Ко-

ран и другие...

Затем автор переходит к главной части, к научной:

...Сегодня раскованный, освободившийся разум человека работает над квантами света, загадками строения и переустройства атома и клетки, разрешает задачи межпланетных сообщений, наводит новый порядок на земле...

С "новым порядком" начальник явно про-моргал, нездоровые ассоциации возникали.

Конец статьи был просто потрясающим по своей дремучести! Мессмер начал читать вслух:

...Параноики, идиоты, выжившие из ума, чокнутые и тронутые, недоразвитые невнятно бормочут: "Все суета сует и томление духа". Так мертвое пытается мертвой хваткой удержать, сковать живое! Но безуспешно! Все религии обречены на полное отмирание во всех разновидностях, сектах, обрядах и со всеми их предрассудками - наследие темноты, пещерного каменного века, атавизм духовного далекого прошлого. А.Биленко.

Все негромко, но с чувством рассмеялись, то и дело поминая словечко "атавизм". Мессмер достал из нагрудного кармана блокнот.

- Вот послушайте, у меня записано. Я это всегда читаю начальникам, когда вызывают: "Атеизм, как голое отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет, и поэтому сам еще является религией". Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Сочинения, том 42, страница 127.

И бригадир победно глянул на собравшихся. Все одобрительно пошумели, еще посмеялись и начали расходиться. Я сбегал в барак за заветной тетрадкой и списал в нее это столь выдающееся произведение дремучего "атавизма".

Занервничал Мессмер... Скоро семинар проводить, а свежего номера журнала "Башня стражи" все нет и нет. Уже все сроки прошли. Еще день подождали, ничего нет. К вечеру пришла горестная весть: гонца с "Башней стражи" схватили на станции Поть-ма, журнал кэгэбэшники нашли зашитым в голенище сапога. Гонец арестован...

Еще проходит день... И еще один провал: погорел второй гонец, его схватили уже возле лагеря, журнал нашли в двойном дне бидончика с молоком...

Мессмер совсем было пал духом. Как же быть? Ведь завтра, в четверг, в день политзанятий, самое удобное время проводить

семинар...

...В обед двое дежуривших в условленном месте поймали метко брошенный через лагерный забор сверток. Третьему гонцу посчастливилось не только прорваться к запретке, но и успешно скрыться...

...Мессмер развернул сверток, "Башня стражи" была... на румынском языке! По традиции же все семинары велись на русском - как языке "международного общения". Решили срочно перевести весь журнал на русский. Его разъяли на пять частей, за перевод усадили пятерых молдаван. Всю ночь в курилке под надежной страховкой трудились переводчики и под утро сделали свое дело. К подъему сшитую тетрадку с текстом журнала вручили Карлу Мессмеру, Слуге немалого ранга в иерархии Свидетелей Бога Иеговы, может быть, даже Слуге областного масштаба.

После ужина дневальный по отряду напомнил, чтобы все шли в третий барак на вечернюю поверку и на политзанятия. Деться некуда: поверка - режимное мероприятие. К семи часам собрался весь отряд, пришел майор, наш воспитатель, началась вечерняя поверка. Все "свидетели" после поверки тотчас же ушли, несмотря на строгие предупреждения начальника. Ушел и я. Ну их!

Немного погуляв, пришел в барак, лег на койку. Надо дочитать книгу Каутского "Путь к власти", товарищи просили поторопиться, они стояли на очереди.

...Появились "свидетели", послышались четкие распоряжения Мессмера. Сначала были расставлены караулы. Первый пост у входа в барак, там на скамейку уселся эзк, будто бы чистым воздухом захотел подышать и заодно и "поперевоспитываться", взял в руки "Библию для верующих и неверующих" Емельяна Ярославского, раскрыл, читает... подлинники тексты из Священного Писания, они все там подчеркнуты заботливой рукой. Второй пост расположился недалеко от вахты, на лавочке сидят два эзка, один любителю распрекрасным видом на вахту, другой смотрит на первый пост - зрительная связь! - и оба держат в руках "Библию" Ярославского, заглядывают туда, листают, ищут подчеркнутые строчки.

...Все готово. Участники семинара расселись на ближних койках и за столом. Помолвились... Мессмер достал тетрадку с переводом "Башни стражи" из сапога и начал...

- Сегодня мы разберем библейскую географию. Эту тему рекомендует наш журнал, доставленный с таким трудом. Дорого приходится платить за истину слова Божия... Скоро увидим наших братьев здесь...

Слушатели сидели молча, опустив головы. Они знали, как тяжела борьба с дьяволом... Они боролись, страдали и продолжают страдать, многие из них сидят здесь уже не по первому сроку...

Мессмер продолжал:

- Итак, братья, мы свято верим свидетельствам Божьего Промысла, открытого в Священном Писании, верим в незримое второе пришествие Господа Нашего Иисуса Христа, верим в уже творящийся Армагеддон и его скорое завершение... Но можем ли мы, братья, безоглядно верить во все то, что написано в Библии, слово в слово, буква в букву? Наши старшие братья говорят нам: нет. И в первую очередь это касается библейской географии. Не всегда...

...Резко распахнулась дверь на вахте. Трое надзирателей быстро шли к "иеговистскому" бараку. Но первый пост не прозевал, он сразу подал знак. Постовой у входа вскочил и крикнул в барак:

- Надзиратели!..

Тетрадку кто-то схватил и исчез в глубине барака. Часть "курсантов" легла на койки, другие остались за столом, и принялись кто писать письмо домой, кто углубился в "Библию" Ярославского, двое достали домино, а Мессмер раскрыл "Ценник на строительные работы" и начал оформлять наряды.

Вошли надзиратели. Старший тяжело дышал...

- Что за сборище? Почему не на политзанятиях? Опять за старое?

Все молчали. Надзирателям отвечал бригадир:

- Нам вера запрещает ходить на ваши политзанятия, вы же знаете. А что мы в бараке... где же нам еще быть?.. это наш дом... пока...

Надзиратели в рассуждения вникать не стали и сразу приступили к делу, к шмону.

Никто из "свидетелей" прекословить не стал, дело привычное. Обыскали Мессмера, еще троих, пятому приказали снять правый боинок. Ничего не нашли. Двинулись по бараку, порылись в тумбочках, посмотрели под матрацами. Ничего... Пошли в курилку. Там никого уже не было. Посмотрели по сторонам - ничего подозрительного.

Постояли еще немного и пошли к себе на вахту.

...Оба поста просигналили: все в порядке. Семинар возобновил свою работу, все со-брались вокруг руководителя.

- Кто же это нас закладывает каждый раз? - это высказался брат Волков.

Мессмер сразу же разъяснил:

- Братья, это слуги Сатаны, они бродят и среди нас, у них - как это сказано в Писании - *НАЧЕРТАНИЕ НА ПРАВУЮ РУКУ*, это активисты всякие, они повязки красные носят. Будьте тверды в своей вере, ибо близок конец света, конец царства Зверя. И вы знаете истинные знамена тому: коммунизм, атомная бомба и Организация Объединенных Наций...

Мессмер достал откуда-то тетрадку и продолжал занятия...

- Итак, можем ли мы полностью верить библейской географии? Не всегда. Река Иордан, гора Галаад, Тивериадское озеро, города Назарет, Хеброн, Генисарет... это все достоверно, а вот...

Я задремал под монотонное бормотанье... Сквозь дрему (надо было уже встать) я слышал:

- Закрепим пройденный материал. Вопрос к брату Цуркану. Можно ли полностью доверять библейской географии?

- Нет, не можно, - ответил молдаванин и замолчал.

- Кто дополнит брата Цуркану? Брат Пилипенко?

Но не суждено было блеснуть брату Пилипенко. К бараку бежали надзиратели во главе с начальником режима.

Служба безопасности семинара сработала четко. Тетрадку успели спрятать, все было в порядке, все были заняты обычными эзковскими делами. Но начальник режима не стал разводить "гнилую демократию": Мессмера и еще двоих взяли и увели на вахту. Там их обыщут по-настоящему, по-научному: разуют, разденут, все швы прощупают...

Очередной семинар Свидетелей Бога Иеговы успешно проведен. Библейская география разъяснена, вот только colloquium надзиратели сорвали...

*Новосибирск-Мюнхен,
1972-1992 гг.*

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Pirochkow

Адрес редакции:

D-r V. Pirochkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

